

Мона
РАЙД

Ошиджа 8
КОНТРАКТЕ

Мона Райд

Ошибка в контракте

<https://litres.ru/74549834>

Аннотация

Он — 40-летний циник, которому нужна фиктивная жена, чтобы получить опеку над племянником. Она — 24-летняя художница, создающая авторских кукол, которая ищет мужа, чтобы умирающая бабушка ушла спокойно.

Их брак — сделка. Год без чувств и любви. Контракт подписан.

Она делает ошибку в контракте. Он замечает. Но молчит. Теперь она на десять лет принадлежит ему.

Впереди — суд по опеке, любовь, похищение и враг из прошлого, который жаждет мести. А ещё — ночи, после которых она перестанет верить, что фиктивный брак не может стать настоящим.

ОТРЫВОК:

Сначала он подумал: это шутка.

Или ошибка. Или проверка на профпригодность. Потому что та, что вошла в зал ресторана, никак не могла быть кандидаткой в жёны. Даже фиктивные.

Платье. Боже, что это за платье — ситцевое, в мелкий цветочек, с воротничком, который явно был моден лет пятьдесят назад. Волосы собраны в пучок, из которого выбились непослушные пряди. На щеке — пятно. Краска.

Она что, перед выходом картины писала?

Двадцать четыре года, значилось в анкете. Сейчас, глядя на неё, он бы дал все восемнадцать. Маленькая, шупленькая, в этом чудовищном платье. Кожа бледная, руки тонкие, без намёка на маникюр, с заусенцами. Она выглядела как пугало, которое сбежало с огорода и забрело в дорогой ресторан.

Марк прокрутил в голове свои критерии. Женщина рядом с ним должна быть взрослой, ухоженной. Она должна уметь держать спину, не смущаться деловых ужинов. Она должна быть активом, а не обузой. А это... это была катастрофа.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо сказать: «Мне кажется, вы ошиблись. Я ищу женщину. Взрослую. Серьёзную».

А потом она подняла глаза. И он забыл всё, что хотел сказать...

Литмоб "ФИКТИВНЫЙ БРАК"

Содержание

ГЛАВА 1. ТА, КОТОРАЯ ПАХНЕТ ДЕТСТВОМ	6
ГЛАВА 1. 2 часть.	14
ГЛАВА 2. ТО, ЧТО НЕ КОНТРОЛИРУЕТСЯ	21
ГЛАВА 2. 2часть.	26
Визуальные образы героев. Как их видит автор.	32
ГЛАВА 3. ТА, КОТОРАЯ ВИДИТ НАСКВОЗЬ	41
ГЛАВА 4. ЕЁ ИМЯ	49
ГЛАВА 5. ДВЕ СКАЗКИ	56
Глава 6. Марк	65
ГЛАВА 7. КУКЛЫ НЕ ВРУТ	72
ГЛАВА 8. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ	76
ГЛАВА 8. 2 часть.	81
Визуальные образы 2	87
ГЛАВА 9. ТА, КОТОРАЯ ВОШЛА В ЕГО ДОМ	96
ГЛАВА 9. 2 часть.	102
ГЛАВА 10. ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ЗАМЕТИТЬ	110
ГЛАВА 11. УТРО В ЧУЖОМ ДОМЕ	122
ГЛАВА 11. 2 часть.	127
ГЛАВА 11. 3 часть	132
ГЛАВА 12. ПЕРЕЕЗД	137
Визуальные образы 3	144
ГЛАВА 13. НОЧЬ, КОТОРАЯ ВСЁ МЕНЯЕТ	152

ГЛАВА 13. 2 ЧАСТЬ.	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

ГЛАВА 1. ТА, КОТОРАЯ ПАХНЕТ ДЕТСТВОМ

От автора

Перед вами история о контракте, фиктивном браке, циничном мужчине, который не умеет любить, и о девушке, которая не умеет врать. О мальчике, потерявшем родителей, и о бабушке, мечтающей увидеть внучку замужем. О врагах из прошлого и о любви, которую никто не планировал, но она случилась.

P.S. Все персонажи, события и опечатки — вымысел. Любые совпадения с реальными людьми случайны. А вот чувства, надеюсь, покажутся вам настоящими.

Приятного чтения!

Сначала он подумал: это шутка.
Или ошибка. Или проверка на профпригодность, которую

устроил его же отдел безопасности. Потому что та, что вошла в зал ресторана, никак не могла быть кандидаткой в жёны. Даже фиктивные.

Марк Ветров откинулся на спинку стула, медленно провёл пальцем по краю бокала с водой. В зале играла негромкая музыка, звенели голоса, пахло трюфелем и свежей выпечкой. Всё, как всегда. Всё под контролем.

Пока она не села напротив.

— Здравствуйте, — выдохнула она, плюхаясь на стул с той грацией, с какой мешок картошки приземляется на склад. — Извините, я... я торопилась.

Марк молчал. Он разглядывал её с холодным интересом человека, привыкшего оценивать людей быстро и безжалостно. С годами он выработал в себе навык видеть суть за внешностью. Психологический портрет, уровень опасности, социальный статус, даже примерный доход — всё это он считывал за секунды.

Платье. Боже, что это за платье? Словно из бабушкиного сундука — ситцевое, в мелкий цветочек, с кружевным воротничком, который явно был моден лет пятьдесят назад. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились непослушные пряди. На щеке — пятно. Синее. Краска.

Она что, перед выходом картины писала? Или лицом в палитру упала?

Двадцать четыре года, значилось в анкете. Сейчас, глядя на неё, он бы дал все восемнадцать. Ребёнок. Нет, даже не так

— подросток. Маленькая, шупленькая, в этом чудовищном платье. Кожа бледная, руки тонкие, без намёка на маникюр, с заусенцами. Она выглядела как пугало, которое сбежало с огорода и забрело в дорогой ресторан.

Марк прокрутил в голове свои критерии. Женщина рядом с ним должна быть взрослой, ухоженной, статной. Она должна уметь держать спину, носить каблуки, не смущаться деловых ужинов. Она должна быть активом, а не обузой.

А это... это была катастрофа.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо сказать: «Мне кажется, вы ошиблись. Я ищу женщину. Взрослую. Серьёзную».

А потом она подняла глаза.

И он забыл всё, что хотел сказать.

Глаза. Чёрт. Таких глаз не бывает. Огромные, чуть навывкате, как у куклы, которую его подруга в детстве никому не давала трогать. И цвет... он не мог определить. Сейчас, при мягком свете ресторанных ламп, они казались серыми. Нет, голубыми. Подождите — зелёными? Они менялись прямо у него на глазах, переливались, как вода в северном море. В них было что-то древнее и в то же время детское. Что-то такое, от чего у мужчины его возраста и закалки должно было бы сработать предупреждение: «Опасно. Не смотреть. Отвернуться».

Но он смотрел.

— Спасибо, что согласились встретиться, — сказала она. Интонация.

Вот тут он понял, что всё серьёзно. Потому что её голос не соответствовал внешности. Она говорила не так, как говорят девчонки в её возрасте — быстрой скороговоркой, с кучей слов-паразитов. Она говорила плавно, медленно, с какими-то своими внутренними остановками, будто сначала обдумывала слово, потом выпускала его в мир.

— Я понимаю, как это странно выглядит, — продолжила она, и её голос плавно тек. — Знакомиться в ресторане, чтобы заключить брак. Как в девятнадцатом веке. Только там была любовь по переписке. А у нас — контракт.

Марк моргнул. Он вдруг перестал слышать ресторан. Смех за соседним столиком утонул в вате. Звяканье вилок исчезло. Музыка стала далёкой, как радио на другой волне.

Она наклонила голову, ожидая ответа, и прядь волос упала на щёку — ту самую, с синим пятном. И в этот момент он уловил запах.

Не её парфюм — скорее всего, она вообще не пользовалась духами. Это было что-то другое. Тёплое. Древесное. Чуть сладковатое. Масляная краска, да. Но не только. Что-то ещё. Ваниль? Старая бумага? Липа? Да, точно, липа. Та самая, которой в детстве бабушка заваривала чай, когда у него болело горло.

Марк сделал вдох глубже, чем следовало. Потом ещё один. Он чувствовал её запах через стол, через ароматы дорогого ресторана, и это было неправильно. Это ломало какую-то внутреннюю настройку, которую он годами выверял.

— Вы... — начал он и замолчал. Голос сел. Пришлось прочистить горло. — Выпьете что-нибудь?

— Чай, — ответила она и улыбнулась. — Если можно.

Марк подозвал официанта. Заказал чай. И — сам не зная зачем — мятный десерт, который она в анкете отметила в графе «любимое». Он помнил её анкету. Помнил каждую строчку. Это профессиональное.

Она не заметила. Или сделала вид.

Он смотрел, как она ждёт чай. Как вертит в пальцах салфетку. Тонкие пальцы, в краске, с короткими ногтями. Рабочие. Руки человека, который привык что-то создавать.

Чай принесли в прозрачной чашке. Марк видел, как она поднесла её к лицу, как замерла на секунду, вдыхая аромат. Её ресницы дрогнули. Она улыбнулась чему-то своему, внутреннему — и это была не та улыбка, которой улыбаются незнакомцам в ресторанах. Настоящая. Тёплая.

Потом она сделала глоток.

Марк смотрел, как её губы касаются края чашки. Как она пьёт — медленно, маленькими глотками, будто смакуя каждое движение. Как язык мелькает между губ, слизывая каплю, повисшую на верхней губе. Как она обхватывает чашку обеими руками — не за ручку, а так, как дети держат кружку с горячим какао, греясь.

И что-то внутри него сжалось.

Низ живота отозвался коротким, резким импульсом. Неожиданно. Глупо. Не вовремя.

Марк поставил локти на стол, сцепил пальцы в замок. Он не понимал, что происходит. Эта девчонка в нелепом платье, с краской на щеке, с руками, перепачканными в синем, — она не должна была вызывать в нём это. Он смотрел на женщин иначе. Холодно. Отстранённо. С оценкой «да» или «нет», без эмоций.

А сейчас его тело жило своей жизнью.

Что за бред? — подумал он. — Перегрелся, что ли? Это же недоразумение какое-то. Она — такая молоденькая и несуразная. А меня штормит, как мальчишку.

Она поставила чашку на блюдце, и звяканье фарфора прозвучало как выстрел.

ГЛАВА 1. 2 часть.

— Расскажите, — сказал Марк, и голос его прозвучал ниже, чем хотелось бы. — Почему вы?

— В каком смысле? — она склонила голову, и прядь волос снова упала на лицо. Её глаза сейчас были серыми. Или голубыми. Он уже не мог отличить.

— Почему вы ищете фиктивного мужа?

Она помолчала. Потом достала из сумки телефон, открыла фото и протянула ему. На экране была женщина. Пожилая, худая, с добрыми, очень уставшими глазами. Сидела в кресле, укрытая пледом.

— Это моя бабушка, — сказала Вера. — Её зовут Мария Степановна. Она меня вырастила. Родители умерли, когда я была маленькая. А теперь... — она запнулась, и в её интонации впервые появилась та самая человеческая уязвимость. Не наигранная. Настоящая. — Теперь она умирает.

Марк молчал.

— Я обещала ей, что выйду замуж, — продолжила Вера. — Она всю жизнь боялась, что я пропаду одна. Что буду сидеть в своей мастерской с куклами, пока состарюсь. Я хочу, чтобы она умерла спокойно.

Она говорила просто. Без надрыва, без слёз, без желания вызвать жалость. Просто констатировала факт. И этот её спокойный, ровный тон снова сделал с ним что-то неправильное.

Она поднесла чашку к губам. Марк видел, как её горло двигается, когда она глотает. Тонкая шея, ключицы, высту-

пающие из выреза старомодного платья. Он представил, как прикасается к ним губами и руками — и сам себя мысленно одёрнул.

— А вы не боитесь, что я маньяк? — спросил он. Это было грубее, чем он планировал. Ему нужно было вернуть контроль. Над ситуацией. Над собой.

Вера посмотрела на него. Долго. Внимательно. И вдруг улыбнулась — светло, тепло, с каким-то детским удивлением, будто он сказал что-то очень смешное.

— Если вы маньяк, — сказала она, — то самый вежливый из всех, кого я встречала.

Марк не сдержал усмешку. Она ответила ему той же улыбкой — и на секунду между ними пробежало что-то электрическое. То самое, что не купишь за деньги и не пропишешь в контракте.

— Вы часто встречаете маньяков? — спросил он, удерживая её взгляд.

— В моём районе — да, — она пожала плечами. — Но вы явно не оттуда.

Она снова взяла чашку. Сделала глоток. Медленно, так медленно, что это стало похоже на наказание. Он смотрел на её пальцы, обхватившие фарфор. На губы.

Его дыхание стало глубже. Он чувствовал это — как расширяются лёгкие, как кровь начинает двигаться быстрее, как мышцы живота непроизвольно напрягаются.

Она не делала ничего специального. И это было самое

страшное. Она просто пила чай. Просто сидела напротив. Просто дышала.

Марк провёл рукой по лицу, сделал большой глоток воды. Лёд звякнул о зубы.

— У меня есть условия, — сказал он, и его голос прозвучал жёстче, чем он хотел. — Год. Никаких чувств. Никаких претензий. Вы появляетесь со мной в суде, в опеке, дома. Я плачу. Вы не лезете в мою жизнь.

Вера кивнула. Спокойно. Словно он перечислял погоду.

— У меня тоже есть условие, — сказала она.

Марк поднял бровь.

— Вы должны понравиться моей бабушке, — произнесла она. — Иначе никакого контракта.

— Я должен понравиться вашей бабушке? — переспросил он. Это было настолько неожиданно, что он на секунду потерял дар речи.

— Да, — Вера поставила чашку. — Она плохо видит, но людей чувствует. Если вы ей не подойдёте — я откажусь. Даже если вы будете платить в десять раз больше.

Марк смотрел на неё. На её странное платье, на краску на щеке, на её спокойный, ровный взгляд. На глаза, которые сейчас были совершенно зелёными.

— Хорошо, — сказал он. — Когда знакомство?

— Завтра.

— Завтра так завтра.

Он подозвал официанта, чтобы рассчитаться. Пока тот пе-

чтал чек, Вера достала из сумки блокнот и что-то быстро набросала. Марк не спрашивал что.

Она встала, надела на плечо потрёпанную сумку и посмотрела на него. Он тоже поднялся — и только тогда заметил, какая она маленькая. Макушкой едва достаёт ему до подбородка.

— До завтра, Марк, — сказала она. И её голос сделал его имя тёплым, почти родным.

Она развернулась и пошла к выходу. Платье было слишком длинным, она чуть не споткнулась о подол, удержалась и рассмеялась тихо — сама над собой.

Марк смотрел ей вслед. На то, как её бёдра покачиваются под старомодной тканью. На тонкие лодыжки, мелькающие из-под подола. На то, как она поправляет выбившуюся прядь.

Он усмехнулся. Внутри всё ещё пульсировало то странное, непонятное возбуждение, которое не проходило. Он злился на себя за это. Она не его тип. Девчонка, которая не умеет одеваться, ходить, разговаривать как нормальные люди. У неё краска на лице и бабушкино платье.

Официант принёс чек. Положил на стол и вежливо кашлянул.

— Ваша гостья оставила, — сказал он, протягивая сложенный листок.

Марк развернул.

На листке был нарисован эльф. Серьёзный, с острыми

ушам, сидящий на корточках и сдувающий одуванчик. А внизу — подпись: «*Спасибо за чай. Вера*».

Он смотрел на рисунок. На лёгкие, летящие линии. На пушинки одуванчика, которые, казалось, вот-вот оторвутся от бумаги.

— Девушка у вас талантливая, — заметил официант, забирая щедрые чаевые.

Марк не ответил.

Он сложил рисунок и убрал во внутренний карман пиджака. Там, где обычно носил запасную обойму.

Он не знал тогда, что этот клочок бумаги будет носить с собой еще долго.

Не знал, что, когда они подпишут контракт, она ошибётся в дате и напишет «до 13.05.2037» вместо «13.05.2027», и он сделает вид, что не заметил. Потому что эта ошибка даст ему то, чего он никогда не имел и даже не знал, что хочет.

Пока что он просто стоял в ресторане, держал в кармане рисунок эльфа и чувствовал, как внутри него, там, где годами была только сталь, что-то начинает прорасти.

Мягкое. Зелёное.

Как одуванчик, который она нарисовала.

От автора:

Друзья мои, если книга вам отзывается, то

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это

лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете.##

ГЛАВА 2. ТО, ЧТО НЕ КОНТРОЛИРУЕТСЯ

Марк сидел в машине. Он перевёл взгляд на зеркало заднего вида. В отражении — его собственное лицо. Жёсткое, с резкими тенями под скулами, с лёгкой сединой на висках, которой он не замечал ещё год назад. Взгляд тяжёлый, как всегда. Ничего не изменилось.

Изменилось внутри.

Он сидел в машине уже десять минут. Двигатель заглушен, ключи в замке зажигания. Ресторан остался за спиной, но запах её до сих пор стоял в носу, въелся в рецепторы.

Марк провёл ладонью по лицу, сжал переносицу, сделал глубокий вдох. Носом. Ртом. Вдох-выдох. Приём, который всегда работал перед операцией, когда нужно было сбросить лишнее и собраться.

Не сработало.

Она всё ещё была здесь. В салоне его машины. На пассажирском сиденье, где она даже не сидела. Её образ. Её глаза. Её голос.

Стоп.

Марк сжал руль. Пальцы побелели.

Он вышел из машины. Хлопнул дверью громче, чем нужно. Ключи звякнули в кармане пиджака, там же, где лежал

сложенный вчетверо листок с эльфом. Идиотизм. Просто молодая девчонка в нелепом платье, с краской на щеке.

Он подошёл к дому — двухэтажному особняку в тихом переулке, который купил три года назад. Открыл дверь своим ключом. Широкий коридор встретил его полумраком. Дом встретил его идеальной, выверенной тишиной — той самой, которую он сам создавал годами. Никакого лишнего звука. Никакого лишнего запаха. Порядок.

Марк скинул пиджак на спинку кресла. Прошёл на кухню, налил воды. Выпил залпом. Поставил стакан на столешницу — ровно на ту же подставку, где он стоял всегда. Ни на миллиметр в сторону.

Хорошо, — сказал он себе. — Всё в порядке. Я дома. Я один. Ничего не изменилось.

Но в груди всё ещё горело.

Он прошёл в гостиную, сел в кресло. Включил телефон — проверить пропущенные. Три звонка от Марины. Два сообщения от адвоката по делу опеки. Одно — от заместителя, короткое: *«По вашему поручению работаем»*.

Марина. Сестра Нади, жены его погибшего брата. Та самая, которая метит в опекуны Мити - племянника. Звонит уже третий раз за вечер. Наверняка хочет обсудить завтрашнее заседание опеки. Или сделать вид, что они союзники. Или просто проверить, насколько он слаб.

Марк отложил телефон. Слабым он себя никогда не чувствовал. Ни в одной из сложнейших операций, даже когда

ранило. Он помнил ту боль — глухую, тяжелую. Но сейчас было не то. Сейчас было это... дурацкое, липкое, сладкое наваждение, от которого не спасала ни выучка, ни годы, ни сталь внутри.

Вспомнил Дениса. Брата.

Тот звонок три месяца назад. Голос незнакомой женщины из больницы: «Вы родственник Дениса Ветрова? Приезжайте. Он и его жена... они в реанимации. Серьёзное ДТП». Он приехал. Успел только к тому, чтобы увидеть, как врач качает головой. Денис. Надя. Оба. В один вечер.

Остался Митя. Семилетний пацан с серьёзными глазами, который не плакал на похоронах. Просто стоял и смотрел. Марк взял его за руку тогда. Митя не отдёрнул.

Теперь мальчик жил у него, сейчас был на прогулке с домработницей. Но органы опеки сомневались. «Вы не женаты, Марк Игоревич, — сказала чиновница. — Одинокий мужчина с опасной профессией. Ребёнку нужна мать. А у нас есть другая кандидатура. У неё семья, дом. Суд, скорее всего, отдаст опеку ей».

Марина. Марк поморщился, вспомнив её приторную улыбку. Ей нужен был не Митя — она хотела квартиру, которую Надя с Денисом оставили мальчику. Трёхкомнатную в центре. Сдать и получать деньги. А Митя для нее — обуза.

Тогда он подумал о фиктивном браке. Через знакомых нашёл посредника, который подыскивал кандидаток. Женщины были разные — красивые и не очень, умные, расчётли-

вые. Но все они не подходили. Слишком хитрые. Слишком фальшивые. Слишком... правильные.

А потом он увидел анкету Веры Тихоновой. Художница-кукольник. Двадцать четыре года. Живёт с бабушкой. Ищет фиктивного мужа, чтобы исполнить последнее желание умирающей бабушки. Она показалась ему странной, но не опасной.

Он назначил встречу.

Теперь, сидя в кресле, Марк понимал — она не подходит. Совсем. Нелепая, странная, в этом дурацком платье. С краской на щеке. С руками, вечно испачканными в чём-то. Но её глаза... Господи, эти глаза. Они гипнотизировали. И голос — тот самый, тягучий, от которого внутри всё переворачивалось.

Телефон завибрировал. Марина. Четвёртый звонок.

Марк взял трубку.

— Слушаю.

— Марк, добрый вечер. — Голос Марины был сладким, как сироп, и таким же приторным. — Я не отвлекаю?

— Отвлекаете.

Пауза. Она не привыкла, чтобы ей отвечали в таком тоне. Но Марку было плевать.

Друзья мои, если книга вам понравилась, то

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это

лучшая награда

Подпишитесь на автора— чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете. ##

ГЛАВА 2. 2часть.

— Я по поводу Мити, — продолжила Марина, не сбавляя сладости. — Завтра заседание опеки. Я подумала, может, нам стоит выступить единым фронтом? В конце концов, мы же оба заинтересованы в благополучии ребёнка.

Марк молчал. Смотрел в окно.

— Вы там? — спросила Марина.

— Да.

— Так что скажете?

Марк усмехнулся. Единый фронт. Она хочет квартиру Мити. Марина уже присмотрела арендаторов, он знал. Его люди доложили.

— Завтра всё решат органы опеки, — сказал он. — До завтра.

И сбросил звонок.

Телефон снова завибрировал — теперь уже сообщение от адвоката: *«Документы готовы. Завтра встречаемся у здания суда. Ваша кандидатка утверждена?»*

Кандидатка.

Марк смотрел на это слово. Кандидатка — это звучало холодно, официально, правильно. Кандидатка — это та, с кем заключают контракт, платят деньги и расходятся через год.

А у него в кармане лежал рисунок эльфа.

Он не ответил адвокату. Вместо этого встал, прошёл в ка-

бинет, открыл ноутбук. На экране высветилась анкета Веры Тихоновой. Та самая, которую он просматривал три дня назад, выбирая среди десятка других.

Тогда она показалась ему странной, но без второго дна.

Теперь он перечитывал каждую строчку, и внутри снова разгоралось то самое пламя, которое он пытался затушить.

Возраст: 24 года.

Ребёнок. Почти. Ей двадцать четыре, а ему сорок. Шестнадцать лет разницы. Она могла бы быть его... младшей сестрой. Да.

Профессия: художник-кукольник.

Куклы. Она делает кукол. Марк представил её руки — тонкие пальцы, в краске, с короткими ногтями. Эти руки лепят лица, шьют платья, рисуют глаза. Такие же огромные, как у неё самой.

Семейное положение: не замужем. Детей нет.

Марк захлопнул ноутбук.

Он прошёл в спальню. Сбросил рубашку — ткань липла к телу, хотя в доме было прохладно. Встал под душ. Вода — сначала горячая, потом ледяная — должна была выбить из него эту дурацкую расслабленность. Марк стоял, сжав челюсти, чувствуя, как холод обжигает кожу, как мышцы сводит судорогой.

Хорошо. Боль — это то, что он понимал. Боль — это то, что можно контролировать.

Он вышел из душа, насухо вытерся, натянул футболку.

Прошёлся по дому. Зачем-то заглянул в комнату Мити. Кровать, письменный стол, полка с книгами, игрушки.

Марк закрыл дверь.

Вернулся в гостиную, сел в кресло. Взял телефон. Набрал сообщение адвокату: *«Кандидатка утверждена. Завтра представим её опеке»*.

Отправил.

Потом достал из кармана пиджака рисунок. Развернул. Эльф сдувал одуванчик, и пушинки, казалось, вот-вот оторвутся от бумаги. Марк провёл пальцем по линии — лёгкой, летящей, такой, какой он сам никогда не смог бы нарисовать.

Завтра, — сказал он себе. — *Завтра я проснусь, и всё пройдёт.*

Он не спал до трёх.

Лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок. Потом закрыл глаза, и перед внутренним взором снова встала она. Девочка в ситцевом платье, которая сидела на корточках и сдувала одуванчик. Она обернулась, и у неё были глаза цвета северного моря — серые, зелёные, голубые, все сразу.

— Ты почему не спишь? — спросила она.

— Не могу, — ответил он.

— Потому что я?

Он не успел ответить. Проснулся.

За окном серело. На часах было шесть утра. Через четыре часа — встреча с бабушкой Веры. Через семь — заседание опеки.

Марк сел на кровати, потёр лицо ладонями.

Он приехал ровно в десять. Ни минутой раньше, ни позже.

Стоял у подъезда старой пятиэтажки, смотрел на облупившуюся краску и чувствовал себя... странно. Он входил в кабинеты многих сильных мира сего, а сейчас мял в кармане ключи от машины и не решался нажать на звонок.

Соберись, — приказал он себе.

Нажал.

Дверь открыли не сразу. Сначала шаркающие шаги, потом долгий взгляд в глазок, потом лязг цепочки.

— Здравствуйте, — сказал Марк. — Я к Вере.

Женщина на пороге была маленькой, сухонькой, с седыми волосами, собранными в пучок. Мария Степановна. Она смотрела на него спокойно, без любопытства, без напряжения. Просто смотрела.

— Знаю, — сказала она. — Проходи.

Развернулась и пошла по коридору, не оглядываясь. Он пошёл следом.

Квартира была маленькой. Старой. Пахло лекарствами, старыми книгами и — он сделал вдох глубже, пахло жасмином.

— Проходи на кухню, — сказала Мария Степановна. — Вера сейчас выйдет.

Марк прошел, сел на табуретку. Низкую, советскую, с круглым сиденьем. Колени упёрлись в край стола. Он чувствовал себя великаном в домике гномов.

Бабушка села напротив. Не суежилась, не наливала чай, не предлагала угощений. Просто смотрела. Спокойно, открыто, без желания понравиться или напугать.

— Ты какой высокий, — сказала она. — Вера у нас маленькая. Хрупкая.

— Я заметил.

— Заметил он, — усмехнулась Мария Степановна. — А что ещё заметил?

Марк выдержал её взгляд.

— Что она не похожа на других.

— Это да, — бабушка кивнула. — Она у меня не от мира сего. В детстве соседи говорили — странная. В школе — не такая, как все. А я отвечала: пусть будет не такая. Лучше быть не такой, чем никакой.

Марк молчал. Она изучала его. Не как следователь — скорее, как человек, который привык разбираться в людях быстро и безжалостно.

— А ты, — спросила она, — ты какой?

— Я? — он задумался. — Я... обычный.

— Обычные не смотрят на старух так, будто они на допросе, — отрезала Мария Степановна.

Он усмехнулся.

— А я и не смотрю. Я слушаю.

— И что слышишь?

— Что вы меня проверяете.

Мария Степановна улыбнулась. Впервые. Тепло, по-доб-

рому.

— Молодец, — сказала она. — Не пропадёшь.

Визуальные образы героев. Как их видит автор.

Вера и Марк

Вера задумчивая

Пишите, друзья, в комментариях, так ли вы представляете себе героев?

ГЛАВА 3. ТА, КОТОРАЯ ВИДИТ НАСКВОЗЬ

Верина бабушка поднялась, подошла к плите. Марк смотрел на её руки — тонкие, с выпирающими венами, но уверенные. Такие руки умеют держать тяжелое.

— Вера мне рассказала, кто ты, — сказала бабушка, помешивая суп.

— И что она рассказала? — Марк напрягся.

— Что жених. Настоящий. — Она повернулась, и в её глазах мелькнуло что-то лукавое. — Я, знаешь, плохо вижу. Но не настолько, чтобы не понимать, когда меня обманывают.

Он молчал. Не знал, что сказать.

— Ты не переживай, — бабушка поставила перед ним тарелку с супом. — Я виду не подам. Если ей нужен такой жених — значит, будет такой жених, я бы хотела, чтобы она одна не осталась, когда меня не станет. А там... — она посмотрела на него долгим, внимательным взглядом. — А там посмотрим.

— Что — посмотрим? — спросил Марк.

— Как оно повернётся, — сказала она загадочно. — Ешь давай. Я посмотрю, как ты ешь.

Он взял ложку. Суп был домашним, густым, с крупной лапшой. Таким пахло в детстве, когда бабушка — его род-

ная — ставила на стол кастрюлю и говорила: *«Ешь, кожа да кости»*.

— Вкусно? — спросила Мария Степановна.

— Очень, — ответил он.

Она смотрела, как он ест. Молча. Внимательно. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Марк чувствовал себя не на собеседовании, а на каком-то другом, более важном испытании.

— Ты её в обиду не дашь, — сказала бабушка не вопросом, а утверждением.

— Нет, — ответил он.

— Знаю, — кивнула она. — Вижу.

Она помолчала. Потом добавила тише:

— Она ещё не поняла. А ты?

— Что — я?

— Что с тобой происходит, — бабушка усмехнулась. — Ладно, разберётесь. Ешь давай, остынет.

Марк доел. Положил ложку. Бабушка смотрела на него с какой-то новой, оценивающей улыбкой.

— Стержень в тебе есть, — сказала она. — Это хорошо.

Она не договорила. В коридоре раздались шаги.

— Бабушка, ты зачем его допрашиваешь? — Вера появилась в дверях.

Марк поднял голову. И снова забыл, что хотел сказать.

Она была в другом платье — тёмно-синем, с длинными рукавами, волосы распущены, падают на плечи прядями. На

щеке чисто.

Она смотрела на него. В её глазах — сейчас они были зелёными — мелькнуло что-то. Волнение? Смушение?

— Я не допрашиваю, — сказала бабушка. — Я знакомлюсь.

— Марк, хотите чаю?

— Не надо, — он посмотрел на часы. — Через два часа заседание опеки. Нужно успеть.

Вера кивнула. Встала. Подошла к бабушке, поцеловала в щёку.

— Я скоро, — сказала тихо.

— Знаю, — бабушка погладила её по руке. — Иди.

Она посмотрела на Марка. Тот поднялся, чувствуя на себе её взгляд.

— Ты, — сказала Мария Степановна Вере, — смотри у меня. Чтобы вернулась во время.

— Вернётся, — ответил он.

Бабушка усмехнулась.

В машине Вера молчала. Смотрела в окно, теребила край платья. Марк вёл, стараясь не смотреть на неё.

Он чувствовал её запах. Жасмин. И что-то ещё, от чего внутри снова разгоралось это дурацкое пламя.

— Контракт, — сказал он, доставая из бардачка бумаги, когда припарковались. — Посмотрите. Если всё устраивает — подпишем.

Вера взяла. Читала внимательно, шевеля губами. Марк

смотрел на её пальцы — тонкие, в красной краске — и думал о том, как эти пальцы лепят кукол, рисуют эльфов, держат чашку с жасминовым чаем.

— Всё правильно, — сказала она тихо. — Год. Потом развод.

Она взяла ручку. Подписала. Потом перевернула страницу, чтобы поставить дату.

Её рука дрожала.

Марк видел, как она вывела: *13.05.20*

А потом вместо *2* поставила *37*.

13.05.2037.

Ошибка. Другая цифра. Срок контракта увеличивался на десять лет.

Марк молчал. Смотрел на её пальцы, на дрожащую руку, на её профиль — сосредоточенный, испуганный, но делающий вид, что всё в порядке.

Она не заметила.

Он мог сказать. Должен был сказать. Это же контракт. Юридический документ. Он всегда был педантичен до скрупулёзности.

Но его губы не шелохнулись.

Что-то внутри — то самое, чему он не знал названия, — сказало: *молчи*.

Вера протянула ему бумаги.

— Всё?

— Всё, — ответил Марк, убирая контракт в бардачок. —

Пошли.

Она выдохнула с облегчением. Улыбнулась — робко, неуверенно.

— Я волновалась, что вы передумаете, — сказала она.

— Не передумал.

— А бабушка... — она запнулась. — Она вам понравилась?

— Очень, — сказал Марк. И понял, что это правда.

— Вы ей тоже.

Вера снова улыбнулась. А он смотрел на неё и думал о том, что в бардачке лежит контракт, который связывает их на десять лет. И что он не жалеет.

Она ошиблась. Он не исправил.

Дорогие читатели, приглашаю вас в свою еще одну книгу
про любовь

"Недотрога для босса"

N

Людмила приехала в Москву из маленького города с одним правилом — жить честно.

Работать много. Помогать родителям. Не переступать через себя.

Она — талантливый дизайнер в крупной компании. Умная. Спокойная.

Она привыкла держать дистанцию. Привыкла быть незаметной.

Пока однажды на неё не посмотрел её босс.

Антон Андреевич — успешный, жёсткий, холодный. Мужчина, который привык получать всё. Женщины для него — лёгкая игра. Карьера — поле боя. Эмоции — слабость.

Но Люда не вписывается в его правила.

Она не заискивает. Не соблазняет. Не просит. И отказывает.

Его желание перерастает в одержимость.

Её спокойствие — в тревожное притяжение.

Между ними — власть, страх, моральные принципы и прошлое, которое не отпускает.

Это история о женщине, которая не продаёт себя за комфорт.

И о мужчине, которому впервые придётся заслужить.

О выборе между тихим безопасным счастьем и огнём, который может сжечь — или осветить жизнь навсегда.

ЧИТАТЬ

<https://litnet.com/shrt/m7Uc>

ГЛАВА 4. ЕЁ ИМЯ

Он произнёс его впервые, когда они уже подъезжали к зданию суда.

— Вера.

Просто. Коротко. Как выдох.

Она повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло удивление. Он и сам удивился. Потому что имя легло на язык привычно. Так привычно, будто он произносил его всю жизнь. Каждый день. С разными интонациями.

Он мысленно одёрнул себя. Они знакомы меньше суток. У них контракт. Фиктивный брак. Год — и разбежались.

Но имя уже въелось. Встало на своё место. Как будто всегда там было.

— Вы волнуетесь, — сказал он. Вопросом это не прозвучало.

— Немного, — она отвела взгляд. — Я никогда не была в суде.

— Это не страшно.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него внутри всё расплывалось. И поправила край платья.

Марку захотелось протянуть руку. Провести большим пальцем по её скуле. Чуть задержаться. Посмотреть, как она отреагирует. Может быть задержит дыхание.

Он сжал руль. Нельзя.

— Пойдёмте, — сказал он и вышел из машины, обошел и открыл Вере двери.

В коридоре суда былолюдно. Пахло казёнщиной, старой мебелью и чужим волнением. Марк шел с Верой рядом, слегка придерживая за локоть — легонько, чтобы не потерять в толпе. Она шла рядом, маленькая, хрупкая, в своём нелепом платье.

— Марк, — тихо спросила она, — а если они поймут, что у нас контракт?

— Не поймут.

— А если начнут задавать вопросы?

— Я отвечу.

Он посмотрел на неё сверху вниз. Её макушка — темные волосы. Её ресницы — длинные, чуть дрожащие. Её губы — она закусила нижнюю, как тогда в ресторане.

И всё внутри него перевернулось.

Он хотел её защитить. От этих стен, от этих людей, от вопросов, от всего мира. Хотел прижать к себе так, чтобы никто не видел её испуганных глаз. Хотел сказать: *«Не бойся. Я рядом. Я никому тебя не дам в обиду»*.

Но вместо этого он просто крепче сжал её локоть.

— Вера, — сказал он снова. Имя прозвучало твёрже, чем он планировал. — Мы справимся.

Она кивнула. И посмотрела на него с благодарностью. С доверием. С чем-то ещё, чему он не знал названия.

В зале заседаний было холодно. Высокие потолки, тяжё-

лые шторы. Марк сел рядом с Верой, положил руку на спинку её стула — не касаясь, просто чтобы обозначить присутствие.

Напротив — Марина с мужем. Ухоженная, с идеальной укладкой и приторной улыбкой, которую она надевала, как маску. Рядом — их адвокат, толстый, с масляными глазками.

Марина смотрела на Веру. И в этом взгляде было всё: презрение, насмешка, уверенность в своей правоте.

— Это и есть ваша... будущая жена? — спросила она с лёгкой растяжкой, делая паузу перед словом «жена», словно ставила кавычки.

Марк почувствовал, как внутри закипает.

Он знал это чувство. Оно возникало раньше только в одном случае — когда опасность была реальной и нужно было действовать быстро, жёстко, без раздумий. Но сейчас опасность была не для него. Для неё.

Он хотел встать. Хотел сказать этой ухоженной женщине с идеальной укладкой всё, что о ней думает. Что она не мать, а стервятник, который кружит над чужим наследством. Что её «забота» о Мите стоит ровно столько, сколько стоит аренда трёхкомнатной квартиры в центре. Что она не имеет права смотреть на Веру с этим презрением, потому что Вера — сто раз лучше, чем она, и даже не потому, что делает кукол и носит бабушкины платья, а просто потому, что она — Вера.

Её имя прозвучало в его голове, и ярость чуть отступила. Сделала место чему-то другому. Тёплому.

— Да, — сказал Марк спокойно, внешне — ни единой эмоции. — Моя будущая жена.

Он положил ладонь на стол. Рядом с её рукой. Не накрыл, просто положил рядом. Чтобы она знала: он здесь.

— Вера Тихонова, — представилась она, и голос её звучал ровно, хотя он видел, как дрожат её пальцы. — Я художница. Работаю дома. Смогу заниматься Митей.

Марина усмехнулась.

— Художница? — переспросила она. — И на что вы живёте, художница?

Марк сжал челюсть. Внутри закипало с новой силой.

— Я достаточно обеспечен, — сказал он ледяным тоном. — Вера не нуждается в работе. Она занимается творчеством по зову души.

Он сказал это и не узнал свой голос. В нём не было фальши. Был холод. Была сталь. Была уверенность человека, который не привык, чтобы его слова ставили под сомнение.

Вера посмотрела на него. Удивлённо. Благодарно. И что-то в её глазах — сейчас они были серыми, он видел это чётко — дрогнуло.

— У нас, надеюсь, — добавил Марк, не отводя взгляда от Марины, — будут еще дети. И Митя будет старшим братом. В хорошей семье. С любящими родителями.

Будут дети. Он не планировал это говорить. Это вырвалось само. И когда слово «дети» слетело с его губ, он вдруг понял, что хочет этого. Не для опеки. Не для контракта. Для

себя.

Он посмотрел на Веру. Она покраснела. Смотрела в стол, теребила край платья. И он видел её профиль, её длинные ресницы, её губы, которые она снова закусила.

Вот, ничего особенного в ней не было, у него были женщины намного эффектнее, но что-то внутри тянуло к ней с неодолимой силою.

Вера, — подумал он. — *Верочка*.

Он никогда не называл так ни одну женщину. Никогда не хотел. А сейчас хотел.

Он гнал эти мысли. Они были лишними. Опасными. Контракт. Год. Потом развод.

Но имя уже въелось. Встало на своё место в голове и сердце. Как будто всегда там было.

Заседание тянулось долго. Адвокат Марины задавал вопросы, пытался подловить, выведать. Марк отвечал спокойно, чётко, как на допросе. Вера иногда вставляла слова, и её голос звучал ровно, но он чувствовал, как она напряжена.

Он смотрел на её руки. Они лежали на столе, тонкие пальцы сплетены в замок.

Он хотел накрыть эти руки своей ладонью.

— Скажите, Марк, — адвокат Марины подался вперёд, — как долго вы знаете Веру Тихонову?

Марк выдержал паузу. Посмотрел на Веру. В её глазах мелькнула тревога.

— Достаточно, — сказал он. — Чтобы понять: она — моя

женщина.

Слова вырвались сами. Он не планировал их. Не готовил. Но они прозвучали — твёрдо, весомо, как приговор.

Вера подняла на него глаза. В них было удивление. И что-то ещё. Что-то тёплое, что заставило его сердце пропустить удар.

Моя женщина, — повторил он про себя. — *Вера. Моя.*

И вдруг понял, что не хочет, чтобы это был фиктивный брак. Не хочет, чтобы через год они разошлись. Не хочет, чтобы она ушла.

Он растерялся. Это было новое чувство — липкое, тягучее, сладкое. Оно путало мысли, сбивало с привычного ритма. Он привык всё контролировать. А сейчас не мог контролировать даже собственные желания.

Что со мной?— спросил он себя.

Ответа не было.

Был только её профиль. Её руки. Её запах — жасмин, краски, что-то ещё, от чего кружилась голова.

Он не знал пока, что это — любовь. Он никогда не любил. Не позволял себе. Слишком опасная территория. Слишком много рисков. Но сейчас он стоял на краю этой территории и понимал, что отступать некуда.

— Заседание переносится на следующую неделю, — объявила судья. — Сторонам подготовить дополнительные документы.

Марк выдохнул. Встал. Подал руку Вере. Она вложила

свои пальцы в его ладонь — тонкие, прохладные.

Он сжал их. Крепче, чем следовало. И не отпускал, когда они выходили из зала. Не отпускал, когда проходили мимо Марины, которая смотрела на них с ненавистью. Не отпускал, когда они вышли на улицу.

— Марк, — тихо сказала Вера, — вы меня сломаете.

Он посмотрел на их руки. Пальцы побелели. Он разжал ладонь.

— Простите.

Она улыбнулась. Потёрла пальцы.

— Ничего. Я просто... — она запнулась. — Хорошо, что вы сказали в зале про «мою женщину». Это помогло.

Он смотрел на неё. На её глаза — сейчас они были зелёными. На губы — она улыбалась, и в уголке губ появилась та самая ямочка.

— Вера, — сказал он.

— Да?

— Вы... — он замолчал. Хотел сказать какой-то нежный бред. Но не сказал. — Вы сегодня хорошо держались.

Она снова улыбнулась.

Он открыл дверь машины. Она села. Он обошёл капот, сел за руль. Завёл двигатель. Посмотрел на неё — она поправляла волосы, глядя в зеркальце.

Она молчала. Смотрела на него. А он смотрел на её губы, на ямочку в уголке — и понимал, что пропал.

ГЛАВА 5. ДВЕ СКАЗКИ

Вера смотрела в окно машины и чувствовала, как сердце до сих пор колотится где-то в горле.

В суде она держалась. Даже сама удивилась — голос не дрожал, руки лежали на столе спокойно. Но сейчас, когда всё осталось позади, её трясло. Мелко, противно, так, что она сцепила пальцы в замок, чтобы Марк не заметил.

Он вёл машину молча. Сосредоточенно. Профиль у него был жесткий — тяжёлая челюсть, прямой нос, лёгкая щетина. Вера покосилась на его руки, лежащие на руле. Широкие ладони, узловатые пальцы, мощные предплечья, обтянутые тканью рубашки. Каждое его движение было точным, выверенным, экономным. Как будто он привык не тратить лишней энергии.

— *Какой же он огромный,* — подумала она.

В ресторане она этого не заметила — сидела, смотрела в тарелку, боялась поднять глаза. А сейчас, в замкнутом пространстве машины, его размеры казались пугающими. Он занимал полсалона. Плечи — шире, чем дверной проём. Когда он поворачивался к ней, Вера инстинктивно отодвигалась к двери.

Она попыталась представить, как бы выглядела рядом с ним на улице. Он — гора в дорогом пиджаке. Она — едва достающая ему до плеча. Люди наверняка оборачиваются. Думают: «*Что этот мужчина нашёл в этой...*» Не додумывать было проще.

Она любила других мужчин. Худощавых, тонких, со светлыми волосами и голубыми глазами. Таких, как принцы из старых сказок, которые хранились у бабушки на антресолях — с изящными пальцами, тонкими запястьями, лёгкой походкой. Таким можно было смотреть в глаза, не запрокидывая голову. Таким можно было улыбаться, не чувствуя себя маленькой девочкой.

Марк был не из той сказки.

Он был из какой-то другой. Тёмной. Суровой. Там не было фей и эльфов, там были воины с мечами, драконы и битвы. И женщины там были другими — сильными, с острыми скулами и уверенные в своей власти.

Вера вздохнула. Она не подходила под эту картинку. Никогда не подходила. Худые плечи, острые коленки, вечно испачканные краской пальцы. Она была не из его мира.

Она вдруг задумалась: а каково это — быть с таким мужчиной? Как они вообще... целуются? Она представила его тяжёлую челюсть, его крупные черты, его руки, которые могли сломать что угодно. И ей стало не по себе. Ей всегда казалось, что поцелуй — это нечто лёгкое, воздушное. Прикосновение губ, полу вздох, полуулыбка. То, что остаётся между страницами старых романов.

С Марком это, наверное, по-другому. С ним, наверное, тебя прижимают к стене, и дышать нечем, и руки вжимаются в плечи, и ты даже не можешь сказать, нравится тебе это или нет, потому что просто нет сил думать. С ним, наверное, не

бывает нежно. С ним бывает только так — захватывающе, грубо, до хруста в позвоночнике.

Вера зажмурилась. И тут же открыла глаза, испугавшись собственных мыслей.

У неё был мужчина. Один. И это было давно.

Андрей. Красивый, стройный, светловолосый. Тот самый принц из сказки, которого она ждала. Они встречались полгода. Он водил её в кино, дарил цветы, говорил красивые слова. А потом она согласилась на его интимное предложение, потому что стеснялась, что уже поздно, что ей двадцать три, а она всё ещё...

Это было немного больно. И не приятно. И это было... никак. Она лежала и смотрела в потолок, думая о том, что сейчас, наверное, должна чувствовать что-то особенное. Но не чувствовала. Андрей был нежен, осторожен, спрашивал, всё ли в порядке. Она кивала. Потом они расстались — он нашёл кого-то более страстного, как он сказал. Вера не обижалась. Ей даже стало легче.

После этого она не хотела никого. Не потому, что была травмирована. Просто не понимала, зачем это нужно, если внутри — пустота. Лучше рисовать. Лучше делать кукол. Лучше пить чай с бабушкой и не думать о том, что ты какая-то неправильная.

Теперь она смотрела на Марка и думала: если у неё не получилось с Андреем — красивым, нежным, её мечтой, — то что уж говорить о таком, как Марк? С ним она, наверное,

вообще ничего не почувствует. Или почувствует боль. Или испугается. Или всё сразу.

Вера поёжилась. Ей вдруг стало совершенно ясно: они не подходят друг другу. Никак. Даже странно, что в суде их обман ни у кого не вызвал подозрений. Наверное, потому что Марк слишком хорошо умеет убеждать. Или потому что люди видят то, что хотят видеть.

Она покосилась на него. Он не смотрел на неё — следил за дорогой. Но она чувствовала его присутствие всем телом. От него пахло дорогим одеколоном, кожей салона и ещё чем-то — мужским, тяжёлым, от чего хотелось приоткрыть окно, даже если на улице холодно.

— *Интересно, — подумала она, — он знает, как на него реагируют женщины? Или ему всё равно?*

Наверное, ему всё равно. У таких мужчин, как Марк, нет времени думать о том, что о них думают другие. Они просто живут. Командуют. Занимают собой пространство.

Вера вздохнула с облегчением, что через год они разойдутся. Она вернётся в свою мастерскую, к своим куклам, к тишине и порядку. А он — к своей жизни, где, наверное, есть женщины, которые умеют быть с такими мужчинами. Сильные. Красивые. Не боящиеся его рук, его голоса, его размеров. Которым нравится, когда их прижимают к стене и дышать нечем.

Она не из таких. И слава богу.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Марк.

Вера вздрогнула. Поймала его взгляд — быстрый, внимательный. И в этом взгляде снова мелькнуло что-то. Как в ресторане, когда она пила чай. Как в суде, когда он сказал «*моя женщина*».

Она быстро отвернулась к окну.

Показалось, — подумала она. — Конечно, показалось. Зачем я ему? Такая....

— Просто вспомнила, — сказала она.

Марк ничего не ответил. Только руки на руле чуть сжались.

Когда машина остановилась у её подъезда, Вера почувствовала, как напряжение отпускает. Ещё немного — и она дома. В своей маленькой кухне, где пахнет бабушкиными пирогами и старыми книгами. Где нет этого огромного мужчины, который занимает собой всё пространство.

Она открыла дверь, собираясь выйти.

— Вера, — сказал он.

Она замерла. Обернулась.

Он смотрел на неё. В темноте салона его глаза казались почти чёрными. И в них было что-то такое, от чего она застыла, как дышать.

— Вы сегодня... — он замолчал. На секунду его лицо стало другим — не жёстким не суровым, а... растерянным. — Вы сегодня справились. Спасибо.

Она кивнула. Выдохнула.

— До завтра? — спросила она.

— До завтра.

Она вышла. Закрыла дверь. Прошла к подъезду, чувствуя его взгляд в спину. Не обернулась. Не могла.

В квартире пахло жасмином — бабушка снова заварила её любимый чай. Вера прислонилась к двери, закрыла глаза.

Господи, — подумала она. — Что со мной происходит?

Ответа не было.

Дорогие читатели!

Я приглашаю вас в свою *новую горячую книгу*, где уже ждут новые герои, новые чувства и новые испытания.

Его одержимость

<https://litnet.com/shrt/M34a>

Аннотация:

Из-за развода я потеряла дочь, крышу над головой и веру в завтрашний день. А он появился на пороге и сказал: «Ты будешь моей». Без просьб, без вариантов. Просто факт. Обещания, угрозы, ласки и контроль. Я ненавижу его за то, что он делает. Я боюсь его за то, что он готов на всё. Но с каждым днём мне всё труднее разобраться, где заканчивается страх и начинается то, что я не смею назвать любовью.

Развод, запретная страсть, одержимость, немного боли и много любви, очень откровенные сцены. Герой дерзкий, молодой, горячий! Героиня старше.

Глава 6. Марк

Он вернулся домой к вечеру.

В прихожей его встретила Галина Петровна — домработница, которая работала у него уже семь лет. Невысокая, полноватая, с вечно озабоченным выражением лица. Она появилась в его жизни, когда он только ушёл с военной службы. С тех пор она стала чем-то вроде второго голоса совести: напоминала, когда нужно купить продукты, ругалась, когда он забывал поесть, и смотрела на него так, будто он был её нерадивым сыном.

— Ну наконец-то, — сказала она, вытирая руки о фартук. — Митя вас ждал. Весь день ходил, спрашивал, когда вы вернётесь.

— Как он? — спросил Марк, снимая пиджак.

— Ел плохо. Опять тарелку супа оставил. Я уж не знаю, как его уговаривать.

— Спасибо, Галина Петровна, — сказал Марк. — Я с ним завтра поговорю об этом.

Она кивнула, собрала что-то на кухне и ушла. Марк остался один.

Прошёл в гостиную, сел в кресло. Включил телефон — пропущенных нет. Хорошо. Значит, всё спокойно. Можно выдохнуть.

Он смотрел в потолок и думал о том, что в бардачке его машины лежит контракт с ошибкой, которую он не исправил.

Зачем?— спросил он себя.

Ответа не было. Вернее, ответ был, но он не хотел его признавать.

— Дядя Марк?

Он обернулся. В дверях стоял Митя. Худой, темноволосый, с серьёзными глазами, которые смотрели на мир с недоверием. Марк каждый раз ловил себя на мысли, как сильно этот мальчик напоминает ему Дениса в детстве. Таким же брат был — замкнутым, тихим, с тяжёлым взглядом.

— Мить, — Марк поднялся. — Ты не спишь?

— Не хочется.

Митя вошёл в гостиную. Осторожно, как зверёк, который не знает, можно ли доверять окружению. Сел на диван, положил руки на колени. Пальцы тонкие, бледные. Марк заметил, что он похудел. И под глазами — тени. Мальчик почти не спал с тех пор, как случилось...

Марк не стал договаривать даже в мыслях.

Он вспомнил, как Денис позвонил ему семь лет назад. Ночью. Голос был растерянным, счастливым и испуганным одновременно.

— Марк, у меня сын родился, — сказал он. — Митя. Я теперь папа.

Марк тогда был дома, но должен был уезжать. Он почувствовал внутри Зависть. Острую, неожиданную, постыдную. У Дениса — семья, сын, дом. А у него — автомат, бронежилет и очередная командировка в точку.

Он тогда сказал: «Поздравляю, я очень за вас рад». И отключился.

А через два месяца, когда удалось вырваться в отпуск, приехал к брату. Митя был крошечным. Марк боялся его взять на руки — казалось, сломает. Денис смеялся: «Не бойся, он крепкий». А жена Дениса, Надя, смотрела на них обоих и улыбалась.

После этого Марк приезжал редко. Раз в год, иногда раз в два. Всегда с подарками: Мите — игрушки, Денису — что-то из техники, Наде — цветы. Ходили в кино, в парк, в зоопарк. Марк смотрел на брата, который вёл за руку сына, и думал: *«Это не моё. Мне нельзя. Семья — это слабое место. А я не могу позволить себе слабых мест».*

Он решил тогда, что Мити ему достаточно. Племянник — это почти сын. Можно дружить, можно дарить подарки, можно быть рядом, когда нужно. И не надо бояться, что твою семью кто-то возьмёт в заложники. Не надо каждую ночь просыпаться в холодном поту, потому что приснилось, как они горят.

Теперь Дениса не было. И Нади не было. И Митя сидел напротив, смотрел в пол и молчал.

— Ты сегодня к кому-то ездил? — спросил мальчик.

Марк вернулся в настоящее.

— К одной... знакомой, — сказал он.

— К тёте?

— К женщине, — поправил Марк. — Она будет... помо-

гать мне. С тобой.

Митя сжал губы. Отвёл взгляд.

— Мне не нужна помощь, — сказал он глухо.

— Знаю, — Марк сел напротив. — Но она хорошая. Ты ей понравишься.

— Откуда ты знаешь?

— Она рисует, — сказал Марк. — Фей, эльфов. Всяких сказочных существ.

Митя поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес? Марк уловил это и продолжил:

— У неё есть мастерская. Кукол делает. Сама.

— Правда? — Митя прищурился. — А она умеет рисовать драконов?

Марк усмехнулся. Впервые за долгое время.

— Я спрошу. Если хочешь.

Митя пожал плечами. Делал вид, что ему всё равно, но Марк видел — мальчику интересно. Впервые за три месяца в его глазах появилось что-то живое.

— Она не будет меня жалеть? — спросил Митя тихо.

Марк смотрел на племянника. На его худые плечи, на сжатые кулаки, на эту его защитную броню, которую он носил, как доспехи.

— Не будет, — сказал Марк. — Я ей не позволю.

Митя кивнул. И вдруг улыбнулся — уголком губ, робко, неуверенно.

— А она не страшная? — спросил он.

— Нет, — сказал Марк. И почему-то добавил: — Она... странная.

Митя фыркнул. Чуть не рассмеялся. И Марк вдруг понял, что давно не слышал этого звука. Смеха в этом доме. Живого, детского, настоящего.

— Тогда ладно, — сказал Митя. — Пусть приходит. Он встал, пошёл к выходу. У двери остановился, обернулся.

— Дядя Марк?

— М?

— А ты её любишь?

Марк замер. Вопрос застал врасплох.

— Что?

— Ну, — Митя пожал плечами, — если она будет с нами жить, значит, ты её любишь. Да?

Марк открыл рот. Закрыл. Не нашёл слов.

— Иди спать, — сказал он.

Митя кивнул. Ушёл. А Марк остался сидеть, смотрел на пустой диван напротив и думал о том, что мальчик задал вопрос, на который у него не было ответа.

Люблю?

Он отогнал эту мысль. Как делал уже много раз за последние два дня. Как будет делать, наверное, ещё много раз.

Он не любил. Не мог любить. Он вообще не создан для этого. Работа, риск, опасность — вот его жизнь. Женщины были, да. Но так, мимолётом. Чтобы снять напряжение. Что-

бы не сойти с ума в короткие дни между операциями.

А Вера... Вера была не из таких. Она была из другой сказки. Той, где феи и эльфы, где чай с жасмином и старые платья. Он не имел права туда входить.

Он встал. Прошёл в спальню. Лёг, глядя в потолок.

В голове крутилось: «А ты её любишь?»

Нет, — ответил он себе. — Не люблю. Просто контракт. Просто опека. Через год она уйдёт, и всё вернётся на круги своя.

Он почти поверил в это.

Заснул под утро. И во сне снова видел её глаза — то серые, то зелёные, то голубые. И её голос. И её пальцы, которые она прятала в рукава старомодного платья.

ГЛАВА 7. КУКЛЫ НЕ ВРУТ

Утром после заседания Вера проснулась с четким ощущением: ей нужно в мастерскую.

Не потому, что там ждали срочные заказы. Просто руки соскучились по глине. Пальцы требовали привычного движения — размять, скатать, придать форму. Там, в холодном кабинете суда, где всё было чужим и казенным, она вдруг остро поняла, как соскучилась по своему миру. По тишине, в которой рождаются лица и образы. По запаху глины и масляных красок. По ощущению, когда из бесформенного куска вдруг проступают глаза, губы, скулы.

Она заварила бабушке чай, поцеловала в щеку и ушла.

Квартира, в которой они жили, была старой, с высокими потолками и облупившейся лепниной. Самая маленькая комната досталась Вере под мастерскую. Здесь не было кровати — только стол, стеллажи, шкафы и вечный творческий хаос, который бабушка называла «художественным беспорядком».

Вера включила настольную лампу, села за стол. Перед ней лежал кусок полимерной глины — серый, пластичный, пахнущий чем-то фабричным и в то же время живым. Она размяла его в пальцах, чувствуя, как тепло рук делает материал податливым.

Начала с лица.

Это была её любимая часть. Когда из бесформенного комка начинала проступать индивидуальность. Сначала Вера наметила овал — слишком большой, она делала портретную куклу на заказ. Женщина, заказавшая её, прислала фотографии: карие глаза, мягкие черты, легкая улыбка. *«Сделайте меня красивой, но узнаваемой»*, — попросила клиентка.

Вера лепила медленно, пальцами чувствуя, как под ними рождаются скулы, как проступают ямочки на щеках, как формируется разрез глаз. Она любила этот момент — когда глина начинала «дышать». Когда безликая масса превращалась в лицо, в характер, в историю.

Инструменты лежали под рукой: стек для проработки мелких деталей, скальпель для тонких линий, маленькие кисти, которыми она смачивала глину, чтобы не было трещин. Вера работала молча, сосредоточенно, иногда откидываясь на спинку стула, чтобы оценить результат.

Нос. Переносица — клиентка просила сохранить эту деталь. Губы — тонкие, но не строгие. Подбородок — с легкой ямочкой, которую Вера заметила на фотографии и решила оставить. Это делало лицо живым.

Закончив с основными чертами, она отложила голову в сторону. Сегодня обжигать не будет — нужно, чтобы глина немного подсохла. Она отправила заготовку на специальную полку, где уже лежали три пары рук и две ноги, вылепленные на прошлой неделе. Потом всё это отправится в маленькую духовку на кухне.

Бабушка уже привыкла к соседству выпечки и кукольных лиц. Сначала ворчала: «Вера, у меня пироги пахнут пластиком!». Потом смирилась. А недавно призналась, что любила этот странный запах — «как в мастерской у волшебника».

Вера открыла шкаф, где на плечиках висели будущие платья. Кусочки кружева, шелка, бархата — всё вручную подобрано, всё сшито крошечными стежками. На отдельной полке лежали крошечные туфельки — кожаные, с настоящими шнурками, которые делала её подруга Ника.

Ника.

Вера посмотрела на часы. Половина первого. Ника уже точно проснулась — она вообще не из тех, кто спит до обеда. И её мастерская в десяти минутах ходьбы.

Вера накинула куртку, сунула в сумку пару заготовок для обуви — нужно было обсудить новый заказ. На прощание заглянула в комнату к бабушке. Та сидела в кресле, укрытая пледом, и перелистывала старый альбом с фотографиями.

— Я к Нике, — сказала Вера. — Ненадолго.

— Иди, иди, — бабушка махнула рукой. — Передавай привет. И спроси, когда она зайдёт борща поесть.

Вера улыбнулась. Поцеловала бабушку в щеку и вышла.

Ника жила в соседнем доме, в такой же старой квартире, только превращенной в настоящую кожаную мастерскую. Вера поднялась на третий этаж, постучала.

— Открыто! — раздался из-за двери голос, от которого

хотелось улыбаться.

Ника стояла посреди комнаты, вся в коже, нитках и маленьких блестящих люверсах. Высокая, плотная, с рыжими волосами, которые она красила сама и всегда попадала в какой-нибудь новый оттенок — сейчас это была медь с полосами цвета охры. В руках она держала крошечный мужской ботинок, размером с палец.

— О, Верунчик! — Ника отложила ботинок, шагнула навстречу. — Ты вовремя. Я как раз твои туфельки доделываю.

Если вам нравится история, то:

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять.

★ *Поставьте звезду* на главной странице — это лучшая награда для автора.

Подпишитесь, чтобы не пропустить новые главы.

Спасибо, что читаете! ##

ГЛАВА 8. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Ника подвела Веру к столу, где на бархатной подложке лежали три пары обуви. Маленькие, изящные, с настоящей шнуровкой и крошечными каблучками.

— Ничего себе, — выдохнула Вера. — Это же...

— Это заказ той дамы, которая просила портрет, — Ника подперла рукой щеку, любясь своей работой. — Она хотела точную копию своих туфель. Я выпала в осадок, когда увидела фото — там же сто сорок стежков на одну подошву! Но я справилась.

Она взяла в руки одну туфельку, покрутила перед глазами, улыбнулась.

— Вера, ты только посмотри. Кожа, настоящая шнуровка, подошва прошита вручную. Это даже не обувь, это ювелирка. А заказчица, кстати, не спрашивала, сколько это стоило. Просто сказала: «Сделайте».

— Потому что знает цену, — заметила Вера.

— Потому что у неё муж деньги зарабатывает, — хохотнула Ника. — Такие, как она, цену знают. А такие, как мы с тобой, — она вздохнула, — работаем за идею.

— Ты за свои туфельки взяла нормальную цену? — Вера подозрительно прищурилась.

— Нормальную, нормальную, — отмахнулась Ника. — Не переживай. Кстати, как твоя кукла? Узнаваемое лицо полу-

чится?

— Должно, — Вера взяла в руки туфельку, покрутила. — Я пока только заготовку сделала. Обожгу сегодня, завтра шлифовать буду.

— Садись, чай будешь? — Ника уже двигалась к маленькой кухоньке, совмещенной с мастерской. — А то ты какая-то... не такая.

Вера села на табурет, обвела взглядом комнату. Здесь пахло кожей, воском и чем-то сладким — Ника всегда заваривала какие-то свои травяные сборы. На стеллажах рядами лежали кусочки кожи всех цветов — от нежного бежевого до черного, с тиснением и без. На стене висели инструменты: пробойники, ножи, шилья, молоточки. В углу стояла миниатюрная швейная машинка, на которой Ника прошивала самые тонкие швы.

— Рассказывай, — Ника поставила перед ней кружку дымящегося чая и села напротив. — Что случилось? Ты вчера в суде была, да?

— Была, — Вера вздохнула. — И мы контракт подписали.

— Контракт? — Ника подняла брови. — А, фиктивный брак? Тот самый мужик, про которого ты говорила? Ну и как он?

Вера отхлебнула чай. Подумала.

— Большой.

Ника поперхнулась.

— В смысле — большой? В каком смысле? — она пода-

лась вперёд, глаза загорелись любопытством. — Верунчик, ты меня пугаешь. В каком смысле большой?

— В прямом, — Вера обхватила кружку руками. — Он очень высокий. И широкий. И вообще... большой.

— О-о-о, — протянула Ника, и её глаза стали круглыми. — Ты меня заинтриговала. Показывай!

— Что показывать?

— Фотку! У тебя же есть фотка? Ты что, на встречу ходила и не сфоткала?

— Ника, это не свидание было, — Вера покраснела. — Это был отбор кандидаток. Он искал жену для опеки, я искала мужа для бабушки. Я не могла сказать: «А можно я вас сфоткаю для подруги?»

— Ладно, описывай, — Ника подперла подбородок рукой. — Что за мужчина? Брюнет? Шатен? Лысый? С бородой?

— Брюнет, — Вера задумалась, пытаясь вспомнить детали. — Волосы короткие. Глаза... не помню. Кажется, карие. Или серые. Челюсть тяжёлая. Руки большие, накачанные. И он весь такой... подтянутый.

Ника слушала, и её лицо медленно расплывалось в улыбке.

— Верунчик, — сказала она наконец. — Ты описываешь не мужчину. Ты описываешь каменную стену с руками. Ты хоть понимаешь, какое это сокровище?

— Какое сокровище? — Вера нахмурилась. — Это партнёр по контракту. Фиктивный муж. Через год мы разведём-

ся.

— Верунчик, ты хоть раз видела себя со стороны? Худенькая, маленькая. А он — здоровенный мужик с челюстью как у супергероя. Вы же смотрите как...

— Как что?

— Как картинка, — выдохнула Ника мечтательно. — Где большая любовь и маленькая невеста. Это же классика! Это же...

— Ника, — перебила её Вера. — Мне не нравятся такие мужчины. Ты же знаешь.

— А какие тебе нравятся?

— Худощавые. Светловолосые. С голубыми глазами. Как...

— Как Андрей, который слился? — Ника подняла бровь. — Верунчик, ты серьёзно? Тот самый красавчик-блондин, который уделал тебя так, что ты полгода ни на кого смотреть не хотела?

Вера покраснела до корней волос.

— Это было... не его вина. Просто мне не понравилось. Проблема во мне.

— Ага, не его вина, — Ника подняла палец. — Красавчик, блондин, принц на белом коне. А в постели — полный ноль.

— Ника!

— Что? Я просто напоминаю, — Ника откинулась на стуле, скрестила руки на груди. — А теперь представь, что рядом с тобой будет этот... здоровенный мужик. С челюстью.

С руками. Который одним видом командует. Ты думаешь, с ним можно лежать и думать о потолке?

— Я думаю, с ним можно не успеть подумать о потолке, потому что он меня раздавит, — буркнула Вера.

Ника расхохоталась. Громко, заливисто, так, что со стеллажа чуть не слетела коробка с пуговицами.

ГЛАВА 8. 2 часть.

— Ой, не могу, — вытирая слезы, проговорила она. — Верунчик, ты прелесть. Раздавит он её! Ты вообще понимаешь, что такие мужчины — это не про раздавить? Это про... — она мечтательно закатила глаза. — Про чувствовать себя маленькой, хрупкой, защищённой. Про то, что ты за ним — как за каменной стеной. Про то, что он тебя одной рукой поднимет, прижмет и никуда не отпустит.

— Ника, ты как будто в него влюбилась, — Вера улыбнулась.

— Я влюбилась в твоё описание, — поправила подруга. — И в то, как ты краснеешь, когда про него говоришь. Ты хоть раз покраснела, рассказывая про Андрея?

Вера молчала. Потому что не краснела.

— Вот то-то, — Ника удовлетворённо кивнула. — А теперь давай по делу. Ты переезжаешь к нему жить?

— По контракту — да, — Вера вздохнула. — Чтобы создать образ семьи.

— И что с мастерской?

Вера отхлебнула чай. Вот оно — то, о чем она думала всю ночь.

— Не знаю. Лепить лица, делать руки, ноги — всё это я могу и там. У него дом большой, наверное, найдётся угол. Но обжигать... — она покачала головой. — Глина требует

духовки. И проветривания. Я не могу просто так прийти на чужую кухню и начать там обжигать кукольные головы.

— Приходи сюда, — предложила Ника. — Или к бабушке. Ты же всё равно будешь к ней приходить? Или совсем переезжаешь?

— Буду приходить. Каждый день, наверное. Бабушка одна...

— Ну вот. У неё духовка есть. Там и обжигай. А лепить и шить можешь у него. — Ника хитро прищурилась. — Если он тебе угол выделит.

— Выделит. Он сказал, что я могу обустроиться, как мне удобно.

— О-о-о, — снова протянула Ника. — Уже устраивается. Уже угол выделяет. Уже заботится. Верунчик, ты уверена, что он не...

— Он что?

— Не запал на тебя?

Вера поперхнулась чаем.

— Ника!

— А что? Нормальный мужик, здоровенный, серьёзный. Ищет жену. Находит тебя — маленькую, странную, симпатичную. И говорит: «Обустраивайся, как удобно». Ты не думаешь, что это подозрительно?

— Думаю, что он просто вежливый, — твердо сказала Вера. — И что ему нужна жена для опеки, а не... не это.

— А ты проверь, — Ника подмигнула. — Приедешь к

нему, устройся поудобнее, посмотри, как он на тебя смотрит. Если смотрит как на стену — значит, всё чисто. А если как на... ну, ты поняла, — значит, я была права.

— Ты была права в чём?

— В том, что этот здоровенный мужик запал на маленькую художницу, — Ника рассмеялась. — Верунчик, ну хоть раз в жизни попробуй. Не с Андреем же, а с настоящим мужиком.

— Ника, хватит, — Вера поставила кружку. — Я не буду с ним ничего пробовать. У нас контракт. Фиктивный брак. Через год мы разведёмся. Всё.

— А через год ты придешь ко мне и скажешь: «Ника, ты была права», — подруга назидательно подняла палец. — Я тебе предсказываю. Этот мужик — твой. Ты просто ещё не поняла.

— Я не хочу его, — Вера сказала это громче, чем планировала. И сама удивилась, как резко прозвучало.

Ника посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом. Потом вздохнула.

— Ладно, не хочешь — не надо, — мягко сказала она. — Я же тебя не заставляю. Просто... — она помолчала. — Просто, Верунчик, очередь-то к тебе из мужиков не наблюдается. И с Андреем не сложилось. И с другими тоже. Может, потому что ты всё ждёшь принца на белом коне? А принцы, они, знаешь, на всех их не хватает.

Вера молчала. Ника говорила правду, но слушать её было

трудно.

— А у тебя как? — спросила Вера, чтобы перевести тему.
— Тот, из ресторана? Который...

Ника скривилась.

— А, этот, — она встала, прошлась по мастерской. — Он меня в ресторан повёл, заказал себе стейк с кровью и бутылку вина, а потом сказал: «Извини, я забыл карту». И я, дура, заплатила.

— И всё? — Вера удивилась.

— Всё. После этого он пропал. На сообщения не отвечает, на звонки — тоже. Так я и осталась с чувством, что меня использовали. — Ника остановилась, взяла в руки крошечный ботинок. — А ты говоришь — большой мужик. Надёжный, наверное. Который карту не забывает.

— Ты сравниваешь несравнимое, — вздохнула Вера.

— А я и сравниваю, — кивнула Ника. — Потому что твой Марк — он из тех, кто не забудет. И не пропадёт. И карту не оставит. И если уж сказал, что будет жена — значит, будет. Даже если фиктивно. Это же надёжность, Верунчик. А надёжность — это то, что мы с тобой, дуры, меньше всего ценим. Нам всё принцев подавай. А принцы... — она вздохнула.

— У тебя просто неудачный опыт, — попыталась утешить её Вера.

— У нас с тобой неудачный опыт, — поправила Ника. — И у меня, и у тебя. Поэтому я и говорю: не отмахивайся от

этого своего Марка. Даже если он тебе не нравится. Посмотри на него. Присмотрись. Может, он не принц, зато он — настоящий.

— Ты говоришь так, будто я должна с ним... — Вера не договорила.

— А что? — Ника усмехнулась. — Попробовать стоит. Вдруг это именно то, что тебе нужно. А если нет — через год разведётесь, и всё. Но попробовать-то можно.

— Ника!

— Ладно-ладно, молчу, — подруга подняла руки. — Просто подумай об этом. Хорошо?

Вера взяла в руки крошечные туфельки. Кожа, настоящая шнуровка, маленькие каблучки. Всё как у настоящих.

— Спасибо, — сказала она. — Они прекрасны.

— Это да, — Ника улыбнулась. — Куклы у нас с тобой получаются отличные. А вот с мужиками — беда. — она помолчала. — Ладно, иди. Тебе ещё голову обжигать. И собираться к своему... Марку.

— Он не мой, — машинально поправила Вера.

— Посмотрим, — Ника подмигнула.

Вера вышла на улицу, и холодный воздух ударил в лицо. Она шла к дому, а в голове крутились Никины слова. *«Надёжный. Настоящий. Посмотри на него».*

Она посмотрела. Он был большим. Он был чужим.

Она зашла в подъезд, поднялась на свой этаж. Впереди был вечер, а завтра — переезд в чужой дом. К чужому муж-

чине. К чужому мальчику.

Она открыла дверь, вдохнула запах бабушкиных пирогов и жасминового чая.

— Вернулась? — раздалось из кухни.

— Да, бабуль. Сейчас голову обжигать буду.

Она прошла в свою комнату, взяла заготовку головы. Глина уже подсохла, черты проступили чётче. Женщина на заготовке смотрела на неё спокойным, чуть усталым взглядом.

— Скоро ты станешь куклой, — сказала ей Вера. — А я стану чьей-то женой.

Она улыбнулась собственным мыслям.

У кого есть подруга, как Ника? Которая скажет правду в глаза, даже если она колючая, но при этом всегда поддержит?

Делитесь в комментариях, люблю такие истории!

Добавьте книгу в библиотеку

★ *Поставьте звезду*

Подпишитесь на автора

Ваши лайки и комментарии греют сердце и вдохновляют писать быстрее! ##

Визуальные образы 2

Верина мастерская

Кукольные платья и туфли

Ботиночки из кожи - настоящий шедевр

ГЛАВА 9. ТА, КОТОРАЯ ВОШЛА В ЕГО ДОМ

Вера переступила порог его дома и сразу поняла, что сделала ошибку.

Ошибка была в том, что она вообще согласилась сюда приехать.

Дом оказался большим. Очень большим. Вера ожидала квартиру — ну, может быть, квартиру просторную, с дорогим ремонтом. Но это был целый дом. Двухэтажный, с широкой лестницей, с огромными окнами, с мебелью, которая выглядела так, будто её выбирал человек, привыкший, чтобы всё было на своих местах.

Никакого творческого хаоса. Никаких лишних вещей. Всё выверено, подобрано, отполировано.

Она почувствовала себя чужой. Маленькой, нелепой, в своём платье, с пятном краски на пальце, которое не успела стереть перед выходом. Ей захотелось спрятаться. Забиться в угол, стать незаметной, раствориться в этом огромном, холодном пространстве.

— Проходите, — сказал Марк, пропуская её вперёд. — Я познакомлю вас с Митей.

Она шла за ним по коридору, чувствуя, как её ботинки стучат по паркету — громко, нелепо. Марк шагал бесшумно,

уверенно.

Мальчик сидел в гостиной на диване, поджав под себя ноги, и смотрел в планшет. Когда они вошли, он даже не поднял головы. Палец замер над экраном, но глаза по-прежнему смотрели вниз, в какую-то свою игру, в свой мир, куда посторонним вход был закрыт.

Вера заметила, как напряглись плечи Марка. Он хотел, чтобы этот первый контакт прошёл хорошо. Слишком сильно хотел.

— Митя, — позвал он. — Это Вера. Та, о которой я тебе говорил.

Мальчик молчал.

— Здравствуй, Митя, — сказала Вера мягко. Она присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне. Так она делала всегда, когда хотела поговорить с детьми — не сверху вниз, не с высоты взрослого, а рядом. — Я принесла тебе...

Она порылась в сумке, достала маленькую куклу-эльфа, которую сделала специально для него. Тонкое личико, острые уши, одежда из зелёного бархата. В руках эльф держал крошечный светлячок, светящийся в темноте. Вера работала над ним три вечера.

— Это тебе.

Митя скользнул взглядом по кукле. Ничего не сказал.

— Я не играю в куклы, — произнёс он наконец. Глухо, как будто слова приходилось выталкивать из себя.

Марк сжал челюсть. Вера видела, как напряглись мышцы

на его лице, как он готов уже что-то сказать — жёсткое, командное, то, что сказал бы на своём месте любой взрослый, который хочет, чтобы ребёнок был вежливым.

Она опередила.

— Это не кукла, — сказала она спокойно, всё так же сидя на корточках. — Это хранитель. Он оберегает дом, в котором живёт, и людей, которые в нём живут. Можешь поставить его на полку. Или подарить кому-то, кто нуждается в защите. Или оставить себе, чтобы он охранял твои сны.

Митя поднял голову. Впервые посмотрел на неё. Глаза у него были тёмные, серьёзные, не по-детски взрослые. В них было столько боли, что у Веры сжалось сердце.

— Он правда светится? — спросил мальчик.

— Правда. Светлячок внутри. Нажмёшь — загорится.

Митя взял куклу. Осторожно, двумя пальцами, как будто боялся, что она сломается или исчезнет, если сжать слишком сильно. Поднёс к лицу, рассмотрел. Потом положил рядом с собой на диван.

— Спасибо, — буркнул он. И снова уткнулся в планшет.

Но Вера заметила: он положил эльфа так, чтобы тот лежал рядом, а не спрятал в карман и не отбросил в сторону.

Марк выдохнул. Она почувствовала это — как напряжение в его плечах чуть спало.

Он сам отнёс её вещи наверх. Вера хотела помочь, но он сказал: «Я сам, вы идите, осмотритесь».

Она поднялась за ним по широкой лестнице, чувствуя се-

бя лишней в этом доме. Стены, пахнувшие деревом и дорогим ремонтом. Всё слишком правильно, слишком идеально.

Марк нёс её чемодан с одеждой — лёгкий, почти пустой. Вера взяла с собой только самое необходимое: несколько платьев, смену белья, тёплую кофту. Бабушка ворчала: «Ты что, в монастырь собралась?» Но Вера не могла взять больше. Это был чужой дом. Она здесь временно. Нечего расслабляться.

А вот второй чемодан... Марк поднял его и удивлённо посмотрел на неё.

— Что у вас здесь? Камни?

— Глина, — ответила Вера. — Инструменты. Краски. Заготовки. Это всё моё... хозяйство.

— Вы и сюда привезли глину? — он усмехнулся, но в голосе не было насмешки. Скорее, искреннее удивление.

— А куда мне её девать? — Вера пожала плечами. — Работать надо. У меня заказ на портретную куклу, я не могу бросить.

— Портретную? — Марк поднял бровь. — Вы делаете кукол на заказ?

— Да. Фей, эльфов, сказочных персонажей. Иногда портреты — по фотографиям.

Он кивнул, ничего не сказал. Закинул чемодан на плечо — легко, будто тот ничего не весил — и понёс наверх. Вера шла следом, смотрела на его широкую спину и думала о том, как странно это выглядит: огромный мужчина, бывший во-

енный, тащит на плече чемодан с полимерной глиной и кукольными головами.

Он поставил чемодан в её комнате.

— Здесь есть стол, — сказал он. — И хороший свет. Если нужно что-то ещё — скажете Галине Петровне. Или мне.

— Спасибо, — сказала Вера.

Она оглядела комнату. Светлую, с большим окном, выходящим в сад. Посредине — кровать, застеленная покрывалом нежно-голубого цвета. У окна — письменный стол. А на столе... она подошла ближе.

На столе лежали чистые листы бумаги. И карандаши. Простые, графитовые, разной мягкости. И ластик. И точилка. Всё новое, нераспакованное, ждущее её рук.

Вера обернулась. Марк стоял в дверях, наблюдая за ней.

— Я попросил Галину Петровну подготовить, — сказал он. — На случай, если вы захотите... работать.

Она смотрела на карандаши, и почему-то ком подступил к горлу. Она думала, что он поселит её в пустую, безликую комнату — гостевую, временную, такую, в которой никто не живёт. А он позаботился о том, чтобы у неё был стол. И бумага. И карандаши. Как будто понимал, что без этого она завянет, как цветок без воды.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Это очень... мило с вашей стороны.

Марк кивнул. Сделал шаг к выходу, остановился.

— Ужин через час, — сказал он. — Галина Петровна го-

ТОВИТ. Я позову.

Он ушёл. Вера осталась одна.

ГЛАВА 9. 2 часть.

Она прошлась по комнате, трогая вещи. Шкаф — пустой, ждал её платьев. Кровать — с высоким матрасом, с прохладным бельём. На тумбочке — настольная лампа с тёплым светом. Всё было продумано.

Она села за стол, провела пальцами по чистой бумаге. Белая, плотная, ждущая. Карандаши лежали ровным рядом — от самого твёрдого до мягкого. Она взяла один, покрутила в пальцах. Хороший инструмент. Дорогой. Она такие не покупала — слишком дорого.

Он позаботился, — подумала она. — Странно. Для чего?

Галина Петровна накрыла стол в малой столовой — уютной комнате, где пахло деревом и свежей выпечкой. Вера села напротив Марка, Митя — между ними. Мальчик сидел, уткнувшись в тарелку, и ковырял вилкой картофель. На разговоры не отвечал, на вопросы — односложно.

— Митя, — сказал Марк, — Вера спросила, какую музыку ты любишь. Ты можешь ответить.

— Любую, — буркнул мальчик.

— Это не ответ, — голос Марка стал жёстче. Вера заметила, как он сжал вилку.

— Марк, — она мягко коснулась его руки. — Ничего страшного. Мы познакомились только сегодня. Митя имеет право не хотеть разговаривать.

Он посмотрел на её пальцы, лежащие на его руке. На секунду задержал взгляд. Потом кивнул и расслабился.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я буду разговаривать.

Вера, вы знали, что Митя — чемпион по молчанию? Он занимает первое место в городе.

Вера не сдержала улыбку.

— Серьёзно? А кто занимает второе место?

— Второе — Галина Петровна, когда я забываю поесть, — Марк подмигнул. — Она может молчать целый день, только смотрит укоризненно. Это хуже любых слов.

Митя фыркнул. Совсем тихо, но Вера услышала.

— А третье? — спросила она, поддерживая игру.

— Третье — мой начальник, когда я приношу ему отчёт раньше срока, — Марк усмехнулся. — Он так удивляется, что теряет дар речи на целых десять минут.

— Всего на десять? — удивилась Вера.

— Он быстро восстанавливается, — Марк вздохнул. — Начальники такие.

Митя поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, интерес.

— А ты всегда приносишь раньше? — спросил он.

— Всегда, — Марк кивнул. — Чтобы начальник помолчал подольше.

Митя улыбнулся. Краешком губ, робко, но улыбнулся.

— А Галина Петровна говорит, что ты забываешь есть, — сказал он.

— Галина Петровна слишком много говорит, — Марк сделал строгое лицо, но в глазах танцевали смешинки.

— Она говорит, что без неё ты бы уже высох, — добавил

Митя.

— Это клевета, — Марк поднял палец. — Я бы высох не полностью. Только немного.

Митя рассмеялся. Тихо, неуверенно, но рассмеялся. И Вера почувствовала, как что-то тёплое разливается в груди.

— А ты, Вера? — спросил вдруг Митя, поворачиваясь к ней. — Ты тоже забываешь есть, когда работаешь?

— Иногда, — призналась она. — Когда делаю новую куклу, могу забыть про всё на свете.

— А что ты делаешь? — Митя отложил вилку. — Кроме хранителей?

Вера рассказала про кукол, про фей, эльфов, драконов. Про то, как лепит лица из глины, как шьёт костюмы, как подбирает материалы. Митя слушал, не перебивая. А Марк смотрел на них и молчал. Вера чувствовала его взгляд — тёплый, внимательный. И от этого взгляда у неё внутри всё переворачивалось.

После ужина Митя подошёл к ней сам. Встал рядом, посмотрел снизу вверх.

— Вера?

— Да?

— А ты научишь меня рисовать дракона?

— Конечно, научу. Когда захочешь.

Митя кивнул. И убежал.

Вера поднялась. Посмотрела на Марка. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на неё странным взглядом.

дом.

— Вы хорошо с ним общаетесь, — сказал он. — С первого раза получилось. Я не ожидал.

— Он хороший мальчик, — ответила Вера. — Просто ему нужно время.

Марк кивнул. Помолчал.

— Спасибо, — сказал он.

И в этом коротком слове было столько всего, что Вера не нашлась, что ответить.

Она поднялась к себе. Комната встретила её тишиной и запахом чистого белья. Вера открыла чемодан с материалами, начала раскладывать инструменты на столе. Стек для лепки, скальпели, кисти, баночки с краской. Всё это выглядело чужеродно в стерильной чистоте комнаты, но другого места у неё не было.

Зазвонил телефон. Вера взглянула на экран — Паша.

Паша. Тоже художник, делал кукол. Красивых, модных, с огромными глазами и пухлыми губами. Они часто пересекались на выставках, он поил её кофе, угощал конфетами, говорил комплименты. Но дальше разговоров не заходило. Вера не поощряла, Паша не настаивал.

— Привет, — сказала она, принимая звонок. — Ты во время.

— Верунчик, привет! — голос у Паши был мягкий, вкрадчивый. — Я по делу. Ты участвуешь в весенней выставке? Заявки до пятницы.

— Да, я хотела... — Вера запнулась. Она совсем забыла про выставку. Столько всего навалилось. — Наверное, да. Но я не уверена, что успею.

— Успеешь, ты же волшебница, — Паша рассмеялся. — Кстати, я тут новую серию делаю. Эльфы-стимпанки. Хочешь, покажу?

— Покажи. Но потом. Я сейчас... — она помолчала. — Паш, я, наверное, выйду замуж.

В трубке повисла тишина.

— Что? — переспросил Паша. — Ты чего, шутишь?

— Нет. Это... долгая история. Но в общем, да. Я выхожу замуж.

— И ты молчала? — в голосе Паши послышалась обида.

— Мы же вроде друзья.

— Паш, это не то, что ты думаешь. Это... сложно.

— Сложно, — повторил он. — Ладно, не буду лезть. Но на выставку приходи. Хотя бы посмотреть. Ладно?

— Ладно, — пообещала Вера.

Она сбросила звонок, отложила телефон. Задумалась.

В ЗАГС заявление они подали на следующий день после подписания контракта. Марк сказал: «Чем раньше, тем лучше. У опеки не будет лишних вопросов». Вера согласилась. Они приехали, заполнили заявление, отдали документы. Сотрудница ЗАГСа посмотрела на них с любопытством — такой необычной пары у них, наверное, давно не было. Громadный мужчина с тяжёлой челюстью и маленькая девушка

в старомодном платье.

Эльф, которого подарила Вера Мите

ГЛАВА 10. ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ЗАМЕТИТЬ

Марк поднялся к себе, закрыл дверь и прислонился к косяку.

Она была здесь. В его доме.

Он вспомнил, как она присела перед Митей на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. Как говорила мягко, не настаивая, не требуя ответа. Как потом на ужине коснулась его руки, когда он начал злиться на племянника.

Её пальцы. Тонкие, прохладные. Они лежали на его руке всего секунду, но он чувствовал это прикосновение до сих пор.

Он закрыл глаза.

Перед внутренним взором встало её лицо. Нежный овал, чуть заострённый подбородок. Нос — тонкий, изящный. Щёки — мягкие, с детским румянцем, который появлялся, когда она смущалась.

А губы. Господи, её губы. Он смотрел на них и не мог отвести взгляд. Тонкие, чуть припухшие, с ямочкой в уголке, которая появлялась, когда она улыбалась.

Он хотел эти губы.

Марк открыл глаза, уставился в потолок. Желание было острым, неожиданным, почти болезненным. Оно разлилось

где-то в груди, спустилось ниже, сжало внутренности стальным обручем.

Она была здесь. В его доме. Спала бы в нескольких метрах от него. Ходила по этим коридорам, сидела за его столом, дышала его воздухом.

Он провёл рукой по лицу.

— *Она не для этого. У вас контракт. Она помогает тебе с опекой. Ты платишь ей деньги. Всё.*

Но тело не слушалось. Он вспомнил, как она сидела напротив в ресторане, как обхватила чашку обеими руками, как пила маленькими глотками, как язык мелькнул между губ, слизывая каплю.

Марк выругался сквозь зубы.

Нужно было выпустить пар. Сжечь эту дурь, выбить из головы. Он переоделся в спортивные штаны, снял рубашку, накинул футболку и спустился в подвал, где была оборудована тренажёрная. Штанга, гантели, турник. Всё, чтобы устать до скрежета в мышцах, чтобы не осталось сил думать.

Он снял футболку, повесил на тренажёр. Начал с разминки — выпады, отжимания, подтягивания. Потом взялся за штангу.

Вес был привычным. Марк поднимал его, не считая повторов, просто двигаясь, пока мышцы не начинали гореть. Пот катился по спине, по шее, по лицу. Он смахивал его тыльной стороной ладони, перехватывал гриф, снова поднимал.

Но она не уходила из головы.

Её глаза. То серые, то зелёные, то голубые. Её голос — тягучий. Её пальцы, лежащие на его руке. Её запах.

Он поднял штангу, задержал на секунду, опустил. Поднял. Опустил.

Вера поднялась к себе после ужина, закрыла дверь.

В комнате пахло чистым бельём и деревом. На столе ждали карандаши. В углу стоял чемодан с материалами, который она так и не разобрала до конца.

Вера прошла по комнате, трогая вещи.

Она села за стол, взяла карандаш. Провела по бумаге линии. Потом ещё одну. Не рисовалось. Рука замирала, не находя нужного движения.

Она отложила карандаш, легла на кровать, укрылась одеялом, закрыла глаза. Но сон не шёл.

Перед глазами всё стоял Марк за ужином. Как он подмигивал Мите. Как шутил про начальника. Как смотрел на неё, когда она рассказывала про кукол. В этом взгляде было что-то такое, от чего внутри разливалось тепло, а потом становилось жарко, и она не понимала, почему.

Она встала, прошла по комнате. Села за стол, порисовала. Не рисовалось. Тишина в доме стояла густая, плотная. И в этой тишине Вера вдруг поняла, что хочет пить. Не то чтобы сильно — скорее, это была причина выйти из комнаты, пройтись, размять ноги, сбросить напряжение, которое

накопилось за день.

Она вышла в коридор. Свет горел приглушённо, где-то внизу, у лестницы. Дом жил своей ночной жизнью — тихой, размеренной, чужой.

Вера спустилась на первый этаж. Кухня была слева, она помнила по ужину. Но ноги почему-то повели её вправо.

Коридор здесь был длинным, с высоким потолком и мягким светом, который лился откуда-то сверху. Вера прошла вперёд и замерла.

На стенах висели гравюры.

Она не ожидала увидеть здесь что-то подобное. Дом Марка казался ей царством порядка и функциональности — никакого лишнего декора, ничего, что не имело бы практического смысла. А здесь, в этом тихом коридоре, словно открылась другая сторона его жизни.

Гравюры были странными. Текучие формы, расплавленные часы, неестественные изгибы тел, пустынные пейзажи, в которых реальность смешивалась со сном. Вера подошла ближе, узнала стиль.

Сальвадор Дали. Не репродукции, нет — какие-то графические листы, выполненные в его манере. Или подражание? Она наклонилась, разглядывая детали. Линии были точными, уверенными, но в них чувствовалась не копия, а что-то своё. Как будто художник, вдохновлённый Дали, создал собственный мир — такой же зыбкий, тревожный и притягательный.

Она переходила от одной гравюры к другой, забыв про воду. Там были женщины с ящиками вместо сердец, слоны на паучьих ногах, часы, стекающие с веток. И во всём этом чувствовался мужской взгляд — жёсткий, аналитический, но вдруг прорывающийся в сюрреализм, как будто человек, который развесил эти гравюры, хотел спрятать где-то глубоко внутри свою способность мечтать.

Вера засмотрелась на последний лист — там были две фигуры, почти сливающиеся в одну, и время, застывшее над ними каплей, — и не заметила, как прошла почти до конца коридора.

Там, за поворотом, была ещё одна дверь. Приоткрытая. Из-за неё падал полоской свет и доносился глухой, ритмичный звук. Металл о металл.

Вера замерла. Сначала хотела развернуться и уйти. Но любопытство пересилило. Она тихо подошла к двери, заглянула внутрь.

И замерла.

Марк стоял к ней спиной.

Он снял футболку, и Вера увидела его тело целиком. Широкие плечи, мощная спина, узкая талия. Мышцы перекачивались под кожей, когда он поднимал штангу, и это было завораживающе.

Он опустил вес, выдохнул. Капли пота стекали по его шее, по позвоночнику, по лопаткам. Он провёл рукой по лицу, стирая пот, и Вера увидела, как напряглись мышцы предпле-

чья, как перекатился бицепс.

Она не могла отвести взгляд.

Это была не та красота, к которой она привыкла. Не изящная, не утончённая, не картинная. Это была первобытная, мужская, животная красота. Сила, которая чувствовалась в каждом движении. Мощь, которая пугала и притягивала одновременно.

Он поднял штангу, и Вера увидела, как напряглись мышцы спины, как обозначились рельефные линии. Она представила, как эти руки обнимают её. Как прижимают к груди. Как его губы — жёсткие — касаются её губ, а потом и шеи.

По телу пробежала горячая волна.

Она испугалась. Испугалась своих мыслей, своего желания, своего тела, которое вдруг стало чужим и непослушным. Она отпрянула от двери, прижалась спиной к стене в коридоре, замерла, боясь дышать.

Что со мной?— подумала она. — *Я же не хочу его. Он не мой тип. Он огромный, грубый. Я люблю других. Худощавых, светловолосых, нежных.*

Она почти поверила в это. Но перед глазами всё ещё стояла картина: его спина, мышцы, капли пота, стекающие по позвоночнику. И это глупое, запретное желание — чтобы он обернулся, увидел её, подошёл, прижал к стене.

Вера развернулась и почти побежала вверх в смятении.

В своей комнате она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели.

Она подошла к столу, начала раскладывать вещи, чтобы успокоиться. Стеки, скальпели, кисти, краски. Всё по местам. Аккуратно. Размеренно.

Но руки дрожали.

Она достала телефон. Паша. Он всегда был рядом, всегда готов был поболтать о пустяках. Может, это отвлечёт. Но паша не отвечал на вызов.

Она сбросила звонок. Посмотрела на телефон, на экране высветилась фотография с прошлой выставки — Паша обнимает её за плечи, она смеётся. Хороший парень.

Но её пальцы не дрожали, когда она думала о Паше. И сердце не колотилось в горле. И внизу живота не разливалось это горячее, тягучее, пугающее.

Вера легла на кровать, укрылась одеялом, закрыла глаза.

Перед сном она думала о бабушке. О Мите. О том, что через год всё закончится и она вернётся в свою квартиру, к своим куклам, к своей тишине.

Но вместо бабушкиного лица перед глазами вставала широкая спина. Мышцы, перекатывающиеся под кожей.

Марк поддерживает свою физическую форму

От автора:

Дорогие читатели, напишите, пожалуйста, в комментариях к книге какую лучше оставить иллюстрацию к этой главе первую или вторую? *Мне очень важно ваше мнение!*

Мне кажется, что вторая иллюстрация показывает больше эмоциональное настроение Марка, как он пытается физиче-

скими, изнуряющими упражнениями выбить всю дурь", как он это называет из головы.

А вам какая картинка больше заходит?
первая

вторая

Если вам нравится история, то

Добавьте книгу в библиотеку

☆ Поставьте звезду

Подпишитесь на автора

Ваши комментарии — лучшее топливо для вдохновения!

##

ГЛАВА 11. УТРО В ЧУЖОМ ДОМЕ

Вера проснулась от того, что не понимала, где находится.

Секунду Вера лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в тишину. Дома всегда пахло бабушкиными пирогами и старыми книгами. Здесь пахло чистотой и деревом. И чуть-чуть — мужским каким-то запахом, который, казалось, пропитал стены.

Она открыла глаза. Светлая комната, высокий потолок, письменный стол у окна.

Вера села на кровати, обхватила колени руками. Вчера она подглядывала за Марком в тренажёрной. Вчера она стояла в коридоре, прижавшись спиной к стене, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

Она закрыла лицо ладонями.

Боже, — подумала она. — Что со мной происходит?

Ответа не было. Было только смутное, тянущее чувство в груди, которое она не умела называть.

Вера встала, умылась, приняла душ, оделась. Взяла с собой блокнот — на всякий случай. Спустилась на первый этаж.

На кухне уже хлопотала Галина Петровна. На плите что-то шипело, пахло свежей выпечкой и кофе.

— А, проснулись, доброе утро! — домработница обернулась, улыбнулась. — Садитесь завтракать. Марк уехал, Митя ещё спит. У вас время есть.

— Уехал? — Вера села за стол. — Рано так.

— Он всегда рано уезжает, — Галина Петровна поставила перед ней тарелку с горячими блинчиками, кружку с чаем. — Привычка с армии. Говорит, пока город спит, можно успеть в десять раз больше.

— Он в армии служил?

— А как же. В спецназе, кажется. Или в разведке? — Галина Петровна махнула рукой. — Я толком не знаю. Он не рассказывает. А я не спрашиваю. Но знаю одно: после армии его пригласил к себе один очень серьёзный человек. Тот, кого он сейчас охраняет.

— Охраняет? — Вера подняла бровь.

— Ну, не в прямом смысле. Он начальник службы безопасности. Там и заводы, и торговые сети, и ещё что-то. Я в этих делах не разбираюсь. — Галина Петровна села напротив, подперла щеку рукой. — Но знаю, что Марка там очень ценят. И не только, как начальника безопасности.

— А как?

— Как друга, — просто сказала Галина Петровна. — Владелец того холдинга, Вячеслав Сергеевич, многим ему обязан. Несколько лет назад на семью Вячеслава Сергеевича напали. Прямо в их загородном доме. Люди были с оружием, угрожали жене и детям. Марк тогда только начинал у него

работать. В ту ночь он оказался рядом — приехал обсудить какой-то контракт. Заметил, что охрана ведёт себя странно, успел вызвать подкрепление, а сам пробрался в дом. Вывел жену с детьми через чёрный ход, а потом вместе с группой захвата нейтрализовал тех, кто ворвался. С тех пор Вячеслав Сергеевич ему как брат. Говорит, Марк для него не просто начальник службы безопасности, а член семьи.

— А сам Марк? — спросила Вера.

— А Марк молчит, — усмехнулась Галина Петровна. — Он вообще не любит, когда про это вспоминают. Для него это просто работа.

— А вы, — спросила Вера, — давно у него работаете?

— Семь лет, — Галина Петровна обернулась. — Я ещё тогда пришла, когда он с военной службы ушёл.

Галина Петровна пошла в кладовую рыться в запасах.

Вера поняла, что спрашивать дальше бесполезно.

После завтрака она вышла в гостиную. Митя уже сидел на диване с планшетом в руках. Увидел её, нахмурился, но не ушёл.

Вера села в кресло напротив. Достала блокнот, карандаш.

— Можно я тут порисую? — спросила она.

Митя пожал плечами. Не ответил. Потом встал и пошел завтракать.

Вера начала рисовать. Просто так, для себя. Листья за окном, ветку дерева, тень на стене. Она слышала, как Митя вернулся поев, и сел напротив, что он иногда поднимает голову,

как его взгляд скользит по её руке, по карандашу, по листу. Но поднимала головы, не давила.

Они присидели так час. Может, больше. Вера не считала. Она рисовала, Митя играл. Тишина была не напряжённой, а какой-то... общей. Как будто они оба понимали, что сейчас не нужно слов.

В какой-то момент Вера услышала, что Митя отложил планшет. Она не подняла головы, продолжала штриховать тени.

— А вы... — голос мальчика прозвучал тихо, неуверенно.
— Вы правда умеете рисовать драконов?

Вера подняла глаза. Митя сидел, сжавшись в комок, но смотрел на неё. Впервые за всё время смотрел прямо.

— Правда, — сказала она. — Хочешь, нарисую?

Митя кивнул.

Она перевернула страницу, начала быстро набрасывать линии. Крылья, хвост, пасть, из которой вырывается пламя. Митя подошёл ближе, сел на край дивана, заглядывая через плечо.

— А он летает? — спросил он.

— Летает. Но больше любит сидеть на скалах и смотреть на закат.

— Почему?

— Потому что он старый, — Вера добавила чешую, сделала дракона фактурным. — Ему нравится смотреть, как солнце уходит за горизонт. И думать о том, что завтра будет но-

вый день.

— А он добрый? — Митя подался вперёд.

— Он разный, — Вера задумалась. — Если его не трогать — добрый. Но если кто-то обидит его друзей, он превращается в огненную бурю.

Митя улыбнулся. Впервые улыбнулся по-настоящему, не краешком губ, а открыто, светло.

— Нарисуйте мне такого, — сказал он. — Пожалуйста.

— Бери этого, он твой.

Она отдала ему лист. Митя взял его осторожно, как драгоценность. Посмотрел, повертел в руках. Потом поднял голову.

— А вы останетесь с нами? — спросил он.

Вера не сразу нашлась, что ответить.

— Я здесь... буду, — сказала она. — Помогать твоему дяде.

Митя кивнул. Спрятал рисунок. И вдруг сказал:

— Мой папа тоже любил рисовать. Только у него не получалось. Мама смеялась, что у него вместо драконов получаются лягушки.

Он замолчал. Вера не стала ничего говорить. Только протянула руку и легонько сжала его ладонь. Митя не отстранился.

ГЛАВА 11. 2 часть.

Марк вернулся ближе к вечеру.

День выдался тяжёлым. С утра — совещание, потом проверка объектов, потом звонок от адвоката по делу опеки. Марина не унималась. Готовила новые документы, собирала «свидетелей», которые якобы знали, что его брак фиктивный.

Слава заметил его состояние. После совещания задержал в кабинете.

— Ты какой-то сам не свой, — сказал он, откидываясь в кресле. — Что случилось?

— Всё в порядке, — ответил Марк.

— Не ври. Я тебя знаю. У тебя лицо человека, который не понимает, что происходит.

Марк промолчал.

— Это из-за женщины? — Слава подался вперёд. — Из-за той, с которой ты в ЗАГС подал заявление?

— С чего ты взял?

— С того, что ты вчера забыл подписать документы, — Слава усмехнулся. — Ты, который всегда помнил всё до мелочей. И сегодня два раза переспросил, во сколько совещание. Это не похоже на тебя.

Марк молчал. Слава смотрел на него долгим, внимательным взглядом.

— Она тебя достала, — сказал он. Не спросил — утвердил.

— Она меня не достала, — Марк поднялся. — Всё в порядке. Я разберусь.

— Разберись, — Слава кивнул. — Но если нужна будет помощь...

— Я знаю.

Он вышел из кабинета, спустился вниз. Секретарша — молодая девушка с вечно испуганным лицом — протянула ему папку с документами.

— Марк Игоревич, здесь нужно подписать.

Он взял папку, пробежал глазами. Подписал. Вернул.

— Вы сегодня поздно уходите, — заметила она.

— Дела, — коротко ответил он.

Дома он ожидал услышать тишину. Увидеть Митин планшет, Галину Петровну на кухне, пустую гостиную.

Но когда он вошёл, гостиная оказалась не пустой.

Вера сидела в кресле, скрестив ноги, и что-то рисовала в блокноте. Митя примостился рядом на диване, заглядывая ей через плечо. У обоих были карандаши в руках, а на журнальном столике лежали листы, испещрённые линиями.

Они не заметили, как он вошёл. Митя что-то спрашивал, Вера отвечала, и её голос звучал мягко, спокойно, как будто они делали это каждый день.

Марк замер в дверях.

Он смотрел на них — на неё и на мальчика, — и внутри него что-то сжалось. А потом отпустило. Как будто какая-то давно затянутая пружина наконец разжалась.

Вера подняла голову. Увидела его. Улыбнулась.

— Марк, вы вернулись.

Митя тоже обернулся.

— Дядя Марк, смотри, что Вера нарисовала! — он подбежал, протягивая лист. — Это дракон. Он старый и добрый, но если его друзей обидают, он становится огненной бурей.

Марк взял рисунок. Посмотрел. Дракон получился не страшным, а каким-то... домашним, что ли. С добрыми глазами и чешуёй, которая переливалась в свете лампы.

— Красивый, — сказал он. — Повесим на стену?

— Правда? — Митя засиял. — А можно?

— Конечно.

Мальчик схватил рисунок и побежал показывать Галине Петровне.

— Вы голодны? — спросила Вера, поднимаясь. — Мы с Митей так увлеклись, что забыли поесть.

— Это успех, — усмехнулся Марк.

Она улыбнулась. Поправила выбившуюся прядь.

— Галина Петровна оставила ужин в столовой. Присоединитесь?

— Да, — сказал он. — Спасибо.

Вера подошла к лестнице, позвала Митю. Тот прибежал, сияющий, с драконом в руках.

— Я его на стену повешу, — объявил он. — Прямо над кроватью. Он будет меня охранять.

— Драконы хорошо охраняют, — серьёзно кивнула Вера.
— Но их нужно кормить.

— А чем?

— Сказками, — она подмигнула. — Каждый вечер — новую сказку. Тогда дракон будет сильным.

Митя задумался. Потом кивнул, принял правила игры.

— Я ему буду рассказывать. Про динозавров.

— Динозавры — это хорошая еда для дракона, — согласилась Вера.

Они пошли в столовую. Марк смотрел им вслед. Вера шла рядом с Митей, не нависая над ним, не пытаясь взять за руку — просто рядом, на равных. Мальчик что-то говорил, она кивала, отвечала. И это выглядело так естественно, будто она всегда здесь была.

В столовой горел мягкий свет. Галина Петровна накрыла на стол — суп, запечённое мясо, овощи, свежий хлеб. Вера села напротив Марка, Митя — между ними, как вчера.

Марк смотрел на неё, пока она наливала суп.

Её руки двигались плавно, спокойно, без суеты. Она держала половник так, будто делала это каждый день — и, наверное, так и было. Вера не была гостьей, которая стесняется взять лишнюю ложку. Она просто делала то, что нужно. Кормила себя, кормила Митю. Поправила салфетку, которую мальчик уронил. Подвинула хлеб ближе к Марку, не

спрашивая, хочет он или нет.

Она ела медленно, маленькими кусочками. Подносила вилку ко рту, жевала, не торопилась. Иногда откидывала волосы за плечо — привычным движением.

Он смотрел, как она откусывает хлеб. Как губы сжимаются, когда она дует на горячий суп. Как язык мелькает между губ, слизывая каплю.

Внутри разгоралось тепло. Медленное, тягучее, как тот самый жасминовый чай, от которого кружилась голова. Оно разливалось в груди, спускалось ниже, сжимало внутренности.

Но одновременно с теплом приходил огонь. Жёсткий, требовательный, мужской. Он шептал: *она здесь. она рядом. Её руки, её губы, её запах — всё это твоё. Ты можешь встать, подойти, взять её за руку.*

ГЛАВА 11. 3 часть

Марк сжал вилку так, что пальцы побелели.

Нельзя, — приказал он себе. — Нельзя. Контракт. Фиктивный брак. Она не для этого.

Но тело не слушалось.

Вера подняла голову, встретила с ним взглядом.

— Вы не едите, — сказала она. — Не нравится?

— Вкусно, — ответил он. И это было правдой. Но дело было не в еде.

Она улыбнулась. И в этой улыбке было что-то такое, от чего огонь внутри разгорелся ещё сильнее.

— Вы странно смотрите, — заметила она.

— Как?

— Не знаю, — она отвела взгляд, снова уткнулась в тарелку. — Как будто... в другую реальность.

Марк промолчал. Потому, что если бы он сказал правду — что смотрит только на неё, что не может оторваться, что каждое её движение отзывается где-то глубоко внутри, — он бы разрушил всё. Контракт, дистанцию, броню, которую строил годами, да еще и напугал бы ее сильно.

— Дядя Марк, — подал голос Митя, — а ты знаешь, что драконов кормят сказками?

— Серьёзно? — Марк перевёл взгляд на племянника, благодарный за отвлечение.

— Вера сказала. Я теперь буду своему дракону сказки рассказывать. Про динозавров.

— Динозавры — это не сказки, — возразил Марк. — Это наука.

— А Вера сказала, что драконы любят динозавров. Потому что они родственники.

— Драконы и динозавры — не родственники, — Марк посмотрел на Веру. — Кто вам такое сказал?

— Я сказала, — она улыбнулась, ничуть не смутившись. — В мире фантазии они вполне могут быть родственниками.

— Вы фальсифицируете научные данные.

— А вы слишком серьёзны для ужина, — парировала она. Митя засмеялся. Марк не сдержал усмешки.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будут родственниками.

— Ура! — Митя подпрыгнул на стуле.

Он снова принялся за еду, успокоившись. Вера опустила глаза, но уголки её губ подрагивали — она сдерживала улыбку.

Марк смотрел на неё и чувствовал, как тепло и огонь внутри борются друг с другом. Тепло говорило: *посмотри, как ей хорошо здесь. Как она вписалась. Как Митя её принял.* Огонь шептал: *она твоя. Твоя. Твоя.*

Он поднялся, взял со стола тарелки, отнёс в посудомойку. Вера посмотрела ему вслед.

— Вы не доели, — заметила она.

— Наелся, — ответил он.

Это была ложь. Он почти ничего не ел. Кусок в горло не лез. Потому что каждый раз, когда он подносил вилку ко рту, он смотрел на неё и забывал, зачем вообще нужна еда.

— Марк, — позвала Вера.

Он обернулся.

— Вы сегодня устали, — сказала она. — Отдохните. Мы с Митем сами уберём со стола.

Митя кивнул, серьёзный, как маленький взрослый.

— Мы поможем Галине Петровне.

Марк хотел возразить. Сказать, что он справится, что не нужно, что он не настолько старый, чтобы ему помогали. Но посмотрел в её глаза — серые, спокойные, заботливые — и не смог.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Он вышел в коридор, потом в гостиную. Сел на диван, закрыл глаза.

Внутри всё горело.

Она здесь, — подумал он. — В моём доме. Кормит моего племянника. Смотрит на меня так, что я забываю, как дышать.

Он провёл рукой по лицу.

— *Не смей. Не сейчас. Не с ней,* — приказал он себе.

Но голос внутри, тот самый, который он не слушал годами, шептал: *а когда? Если не сейчас, то когда?*

Марк открыл глаза. Посмотрел на дверь столовой, откуда доносился Митин смех и её тихий голос.

Никогда, — ответил он себе. — Никогда. Потому, что если я начну — не смогу остановиться.

Он ушёл к себе. Включил душ, встал под холодную воду. Но даже она не помогла.

Марк выключил воду, вышел. Встал у окна, смотрел на вечерний сад.

Внизу, в столовой, горел свет.

Он закрыл глаза, и перед ним снова встала картина ужина.

Её руки на столе. Тонкие запястья, узкие ладони, пальцы, которые она держала чуть согнутыми, когда слушала Митю. Как она поправляла волосы — кончиками пальцев, легко, не глядя. Как брала хлеб — двумя пальцами, аккуратно, будто боялась раскрошить. Как держала вилку — непринуждённо, без этой деланной грации, которой щеголяют женщины в дорогих ресторанах.

Он провёл ладонью по лицу.

Втрескался.

И ведь если бы она была красоткой — той самой, от которой у всех мужчин сносит крышу, — может, это было бы понятнее. Хоть какое-то оправдание. А тут... ну, ничего же нет выдающегося. Невысокая, худая, волосы вечно в пучке, одежда из бабушкиного сундука. Ни тебе томных взглядов, ни соблазнительных изгибов, ни этой порочной грации, от которой у мужиков твердеет все, что ниже пояса.

А у него внутри всё равно сжималось в комок все от нее. С каждым её движением — туже, плотнее.

Вниз. Ещё ниже. И глухая, давящая тяжесть в паху, от которой хотелось то ли выть, то ли идти и забирать её прямо сейчас, не дожидаясь утра.

Марк выругался сквозь зубы.

От автора:

Что скажете про ужин? ##

И вопрос: как думаете, сколько ещё он сможет держать себя в руках? Или скоро ли сорвётся?

Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* главной странице — это лучшая награда для автора

Подпишитесь, чтобы не пропустить новые главы
Спасибо, что читаете! ##

ГЛАВА 12. ПЕРЕЕЗД

Через три дня после её переезда пришло уведомление.

Марк прочитал, положил бумагу на стол. Лицо у него было спокойным, но Вера заметила, как напряглись желваки.

— Что там? — спросила она.

— Опека. Проверка жилищных условий. Через два дня.

— Проверка? — Вера почувствовала, как внутри всё холодеет. — Они придут сюда?

— Да. Составят акт, посмотрят, где будет жить Митя, в каких условиях. — Марк помолчал. — И, скорее всего, зададут вопросы про нас.

— Какие вопросы?

— Про наши отношения. Про то, как давно мы знакомы. Про то, почему решили пожениться.

Вера опустила глаза. Руки дрожали.

— Что нам говорить?

Марк сел напротив. Взял её ладони в свои — осторожно, будто боялся спугнуть.

— Мы знаем друг друга год. Встречались, но не афишировали. Пожениться решили недавно — вот подали заявление в ЗАГС. Вы переехали ко мне, потому что так удобнее готовиться к свадьбе.

— Год? — Вера подняла глаза. — А если спросят, где мы познакомились?

— На выставке. Вы делаете кукол, я пришёл с племянником. Мите понравились ваши работы. Мы разговорились.

Вера кивнула. Марк помолчал, потом сказал:

— Если они захотят посмотреть, где мы спим...

— Что?

— Вам придётся переехать в мою спальню. На время проверки.

Вера почувствовала, как щёки заливаются краской.

— А вы где будете?

— Я на диване буду спать, а вы на кровати. — Он отпустил её руки, поднялся. — Это просто формальность. На несколько дней.

Она кивнула.

В тот же вечер она перенесла вещи в его спальню.

Платья — в шкаф, рядом с его рубашками. Туалетные принадлежности — в ванную. Карандаши и блокноты — на его письменный стол.

Марк помогал молча. Не смотрел на неё. Но когда их руки случайно коснулись, она почувствовала, как он замер.

— Извините, — сказал он. Отошёл.

Вера стояла посреди его комнаты и чувствовала себя чужой. И в то же время — странно, неправильно — уютно было.

Ночью она легла на его кровать. Натянула одеяло до подбородка. Простыни пахли им — тем самым мужским запахом, от которого у неё кружилась голова.

Марк сел на диван в двух метрах от неё.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Вера закрыла глаза. Долго не могла уснуть. Слушала его дыхание — ровное, спокойное. И не понимала, почему сердце колотится так сильно где-то в горле.

Марк не спал.

Лежал на диване, смотрел в потолок и чувствовал её присутствие всем телом. Она была здесь. В его комнате. На его кровати. В двух шагах.

Он слышал, как она дышит. Как иногда вздыхает во сне. Как ворочается, поправляя одеяло.

Каждый звук отдавался в нём горячей волной.

Прекрати, — приказал он себе. — *Ты же не мальчишка.*

Но тело не слушалось.

Марк закрыл глаза — и перед внутренним взором встала картина, которую он увидел днём.

Он зашёл в её комнату позвать обедать. Дверь была открыта, и он толкнул её, не постучавшись.

Она сидела за столом, склонившись над куклой. Не заметила его — так была увлечена.

Марк замер в дверях.

На столе, на специальной подставке, стояла кукла. Почти готовая — без костюма, без одежды, но с лицом, руками, ногами. Тонкая, изящная, почти прозрачная в своей красоте.

Он смотрел на неё и не мог отвести взгляд.

У куклы была маленькая, аккуратная грудь с розовыми сосками, тонкая талия, стройные бёдра, длинные ноги. Лицо — нежное, с огромными глазами, чуть приоткрытыми губами.

И вдруг Марк понял: кукла была похожа на Веру.

Те же черты. Тот же разрез глаз. Та же утончённость, хрупкость, почти нереальная красота.

Он смотрел на обнажённое тело куклы — и в голову лезли мысли, от которых становилось жарко. Он представил Веру без одежды. Такую же тонкую, изящную, с маленькой грудью, с розовыми сосками, с узкой талией и стройными бёдрами.

Он резко развернулся и решил выйти — иначе он за свою выдержку не поручился бы.

Вера подняла голову. Увидела его. Улыбнулась.

— Марк, вы чего? Не уходите.

Она встала. Натянула на куклу какую-то белую тряпочку — ещё не с отделанными швами, как будто почувствовала его похоть, его желание, его взгляд, который был тяжелее, чем он сам думал.

— Это моя новая работа, — сказала она. — Заказчица хотела такую куклу. Я почти закончила. Осталось только платье сшить.

Она говорила что-то ещё, но Марк не слушал. Он смотрел на её руки — тонкие пальцы, поправляющие рубашечку на кукле. И чувствовал, как его захлестывает возбуждение.

— Очень красиво, — сказал он. Голос сел. Пришлось про-
чистить горло. — Вы невероятно талантливы.

Она покраснела. От смущения или от его взгляда — он
не понял.

— Спасибо, — сказала она.

Марк развернулся и почти выбежал из комнаты. В кори-
доре остановился, прислонился к стене. Выдохнул. Это про-
сто кукла. И он бы хотел иметь такую куклу, но лучше хо-
зяйку и без платья.

Теперь, лёжа в темноте, он вспоминал эту сцену. Куклу.
Её тело — тонкое, изящное, похожее на Верино. Как она на-
тягивала рубашечку на обнажённый торс. Как её пальцы ка-
сались кукольной груди, поправляя ткань.

Он закрыл глаза, выругался про себя.

В голову лезли картины одна за другой. Как он подходит к
ней. Как снимает с неё эту старомодную одежду. Как видит
её настоящую — хрупкую, тонкую, с маленькой грудью. Как
прижимает к себе. Как целует.

В паху снова стало тяжело. Желание накатывало волнами,
горячо, нестерпимо.

Марк перевернулся на живот, потом на бок. Закрыл глаза,
пытаясь успокоиться.

Не помогло.

Он сжал кулаки. Боль немного отрезвила.

*Не сейчас, — приказал он себе. — Не сегодня. Она не го-
това. Ты не имеешь права.*

Он лежал и смотрел в потолок, пока глаза не начали слипаться. Тело требовало отдыха, но разум сопротивлялся, боялся пропустить хотя бы один её вздох, хотя бы одно движение.

Он заснул под утро. И снилась ему Вера. Без одежды. Она улыбалась и тянула к нему руки.

Утромон проснулся от того, что кто-то ходил по комнате. Марк открыл глаза. Вера стояла у окна, уже одетая,правляла волосы перед зеркалом. Свет падал на её профиль — тонкий нос, нежные щёки, длинные ресницы.

— Доброе утро, — сказал он.

Она вздрогнула, обернулась.

— Доброе, — ответила она. — Я разбудила?

— Нет.

Он сел на диване, натянул футболку. Вера отвела взгляд — но он заметил, как она покраснела.

— Галина Петровна накрыла завтрак, — сказала она. — Я пойду.

Она вышла. Марк остался сидеть.

Встал, оделся. Спустился на первый этаж.

Вера сидела за столом, пила чай. Не поднимала глаз. Марк сел напротив, взял чашку.

— Как спалось? — спросил он.

— Хорошо, — ответила она. — А вам?

— Отлично, — соврал он.

От автора

Марк провёл ночь на диване в двух шагах от Веры. Как думаете, сколько ещё он продержится? И что будет, когда его терпение лопнет? ##

Добавьте книгу в библиотеку

★ Поставьте звезду на главной странице

Подпишитесь на автора

Визуальные образы 3

Марк. И хочется и колется))))

мечты Марка

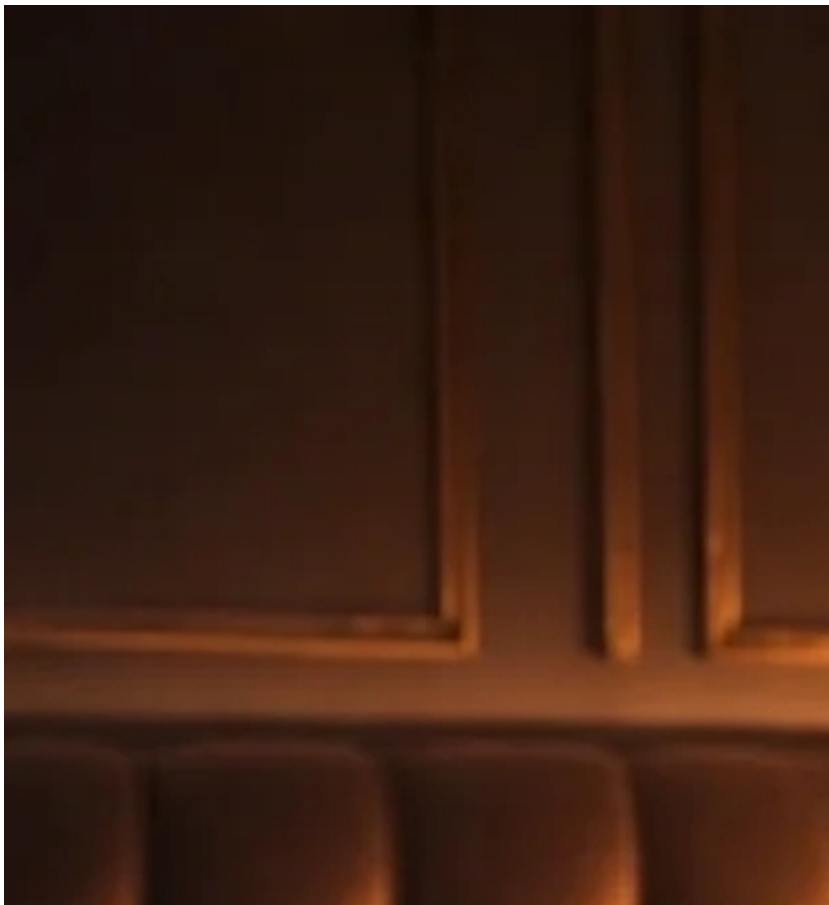

18+

ГЛАВА 13. НОЧЬ, КОТОРАЯ ВСЁ МЕНЯЕТ

Прошел день и наступил поздний вечер. Вера была в душе, под струями теплой воды, которые расслабляли, но и навевали сладкие воспоминания.

В голове крутился сегодняшний день.

Она вспомнила руки Марка. Большие, тёплые, с узловатыми пальцами. Как они лежали на столе во время ужина.

А потом — картина из тренажёрной.

Его спина. Широкие плечи, мощные мышцы, которые перекатывались под кожей, когда он поднимал штангу. Капли пота, стекающие по позвоночнику. Его руки — сильные, уверенные. И губы. Жёсткие, требовательные.

Она вдруг представила, как он наклоняется к ней. Как его губы касаются её губ. Как его руки обнимают её — сильно, до хруста.

По телу пробежала горячая волна.

Что со мной? — подумала она. — *Я же не хочу его. Он мне даже не нравится.*

Она посмотрела в зеркало — на щеках горел румянец, глаза блестели.

Успокойся, — сказала она себе. — *Просто гормоны.*

Она вышла из ванной, сделала шаг к кровати — и замерла.

Марк стоял у дивана, отвернувшись к стене.

Он снял футболку.

Вера увидела его спину. Широкую, мощную, с рельефными мышцами. Узкую талию. Сильные руки.

Она смотрела и не могла отвести взгляд.

Внутри что-то оборвалось. А потом — потянуло. Как магнитом. Как будто какая-то сила толкала её вперёд, к нему.

Она сделала шаг. Потом ещё один.

— Марк, — прошептала она.

Он замер. Не обернулся.

Она подошла вплотную. Протянула руку и коснулась его спины.

Пальцы скользнули по горячей коже. Она чувствовала, как он напрягся. Как замер, боясь дышать.

— Вера, — его голос сорвался. — Не надо...

— Молчи, — прошептала она.

Вера прижалась щекой к его спине. Закрыла глаза. От него пахло чем-то волнующим.

Марк медленно повернулся.

Вера видела только его глаза — блестящие, напряжённые. Марк смотрел на неё, и в этом взгляде было столько всего, что у неё перехватило дыхание.

— Вера, — сказал он тихо. — Если вы не уверены...

Она не дала ему договорить.

Прижалась к нему всем телом. Почувствовала, как его руки обхватывают её — осторожно, боясь сломать.

— Я не знаю, что со мной, — прошептала она. — Но я не могу... не могу остановиться.

Он смотрел на неё секунду. Две. А потом его руки сжались вокруг нее — крепко, почти больно.

И он поцеловал.

Марк.

Когда Вера коснулась Марка — сама, по своей воле — у него внутри что-то оборвалось.

Он хотел её так, что уже и забыл, каково это — хотеть так женщину. Не мимолётно, не для того, чтобы снять напряжение. А так, чтобы башку сносило. Чтобы мысли путались, а руки дрожали.

Она стояла перед ним — без своего смешного платья, без этого вечного защитного слоя, который носила как броню. В тонкой ночной рубашке, которую он даже не заметил.

А может, заметил. И хотел содрать с неё зубами.

Он провёл ладонью по её спине — она была такой маленькой и мягкой, такой хрупкой под его рукой. Позвонки перекачивались под пальцами, тонкие, как у птицы.

— Вера, — прошептал он. — Ты такая... — он не нашёл слов.

Она подняла на него глаза. В них не было страха. Только любопытство. И что-то ещё — тёплое, доверчивое, от чего у него сжалось сердце.

Марк целовал Веру медленно. Вкушая. Чувствуя, как её губы раскрываются под его, как её дыхание сбивается, как она подаётся вперёд, ближе, ещё ближе.

Её руки скользнули по его груди — робко, неуверенно. Она касалась его так, будто изучала. Будто никогда раньше не трогала мужчину.

Он знал, что у неё был кто-то. Но сейчас, чувствуя её при-

косновения — несмелые, невинные, — он понял: то, что у нее кто-то был, не считается.

Она была совсем неопытной. И это сводило с ума.

Вера.

Вера не узнавала себя.

Её руки, которые всегда были такими уверенными с глиной, с красками, с кистями, сейчас дрожали. Она касалась его плеч, его груди, его рук — и не могла поверить, что это происходит на самом деле.

Он был таким большим. Таким горячим. Таким подавляющим с одной стороны, но и надежным с другой.

Когда он поцеловал её — не так, как целовал Андрей, быстро и будто по обязанности, а глубоко, медленно, словно у него была вечность, — она забыла, как дышать.

Его руки скользнули под рубашку. Коснулись её спины — горячие, шершавые, такие сильные. Она выгнулась навстречу, сама не понимая, зачем.

— Марк, — прошептала она.

— Что, маленькая? — его голос был низким, хриплым.

Она не знала, что хотела сказать. Просто его имя. Просто чтобы убедиться, что это не сон.

Он подхватил её, поднял как пушинку. Она вскрикнула — от неожиданности, от восторга, от того, как легко ей стало в его руках.

Он опустил её на кровать. Навис сверху — огромный, тёмный, жаркий, сильный.

— Смотри на меня, — сказал он.

Она смотрела. Не могла отвести взгляд.

Он стянул с неё рубашку — медленно, бережно, как будто разворачивал подарок.

Она лежала перед ним — беззащитная, открытая. В первый раз в жизни она не хотела прятаться. Не хотела натягивать одеяло до подбородка, как делала с Андреем.

Потому что он смотрел на неё так, будто она была самой прекрасной женщиной на свете. И ей хотелось дарить ему эту красоту.

Марк.

Когда Марк увидел её — всю, без одежды, — у него перехватило дыхание.

Она была прекрасна. Не той броской, кричащей красотой, которую показывают по телевизору или печатают в журналах. А другой. Настоящей.

Её грудь — маленькая, девичья, с розовыми сосками, которые затвердели от его взгляда. Её талия — тонкая, мягкая, такая узкая, что он мог бы обхватить её одной рукой. Живот — плоский, с чуть выступающими рёбрами, такими хрупкими, что страшно было дышать. Бёдра — стройные, гладкие. Щиколотки — тонкие, изящные, как у балерины.

Она вся была хрупкой. Идеальной. Его.

Он провёл рукой по её животу — вниз, ещё ниже. Чувствовал, как она дрожит под его пальцами. Как её дыхание сбивается.

— Марк, — прошептала она. — Я... я не знаю...

— Я знаю, — сказал он. — Я всё знаю.

Он наклонился, поцеловал её впалый живот — мягко, благоговейно. Потом поцеловал выше — между грудей. Потом — ключицы, шею, губы.

Она выгибалась под ним, вцеплялась в его плечи, в его спину, в его волосы. Её пальцы — такие тонкие, такие нежные — раз за разом пробегали по его мышцам, будто запоминая, будто рисовали его в своей памяти.

Вера.

Вера никогда не чувствовала ничего подобного.

С Андреем всё было... правильно. Вежливо. Он спросил, готова ли она. Потом сказал, что будет осторожен. Потом сделал своё дело — быстро, будто торопился поскорее закончить.

Она лежала и смотрела в потолок. Думала о том, что, наверное, должна чувствовать что-то особенное. Но не чувствовала ничего. Только пустоту и неприятные и болезненные ощущения после первого раза.

А сейчас...

Сейчас она не могла думать. Не могла дышать. Не могла ничего, кроме как чувствовать.

Его руки. Его губы. Его язык, который выписывал круги на её коже, заставляя её выгибаться и стонать. Он был везде, большой и горячий, занимал собой все пространство.

Он целовал её так, будто она была драгоценной. Будто

каждое прикосновение имело значение.

Когда он коснулся её там — между ног, где она была уже мокрой и горячей, — она вскрикнула. Не от боли. От неожиданности. От того, как остро, как ярко вдруг стало всё.

— Тш-ш-ш, — прошептал он. — Не бойся.

От автора:

Друзья. Приглашаю вас в свою новую горячую новинку — роман «*Развод. Терапия чувствами*».

«Развод. Терапия чувствами» — это непростая история о том, как трудно перестать жалеть бывшего мужа и научиться выбирать себя. И о любви, которая приходит, когда её совсем не ждёшь.

Обещаю, будет жарко, честно и очень жизнеутверждающе.

<https://litnet.com/shrt/OdXo>

РАЗВОД

Т

ГЛАВА 13. 2 ЧАСТЬ.

Его пальцы двигались медленно, плавно, изучая, проникая, надавливая, потирая, ускоряясь и замедляясь. Она вцепилась в его плечи, зажмурилась, чувствуя, как внутри нарастает что-то огромное, горячее, неизбежное.

— Открой глаза, — сказал он.

Она открыла.

Он смотрел на неё — сосредоточенно, серьёзно, как будто ничего важнее на свете не было.

— Смотри на меня, — повторил он. — Только на меня.

Она смотрела. И чувствовала, как нарастает. Как напряжение внутри становится невыносимым. Как мир сужается до его глаз, его рук, его губ, его шёпота.

А потом — взрыв.

Она вскрикнула, выгнулась, вцепилась в него так сильно, что, наверное, оставила следы. Волна за волной, горячо, ярко, до искр перед глазами.

И когда всё стихло, она лежала, тяжёл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.